

Е.Г.ЯСИН

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА

1

ИСТОКИ И ПАНОРАМА
РЫНОЧНЫХ РЕФОРМ

Издание второе, переработанное

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

МОСКВА · 2019

УДК 338(470+571)
ББК 65.9(2Рос)
Р76

Рецензент — доктор экономических наук, директор Института стратегического анализа
аудиторской компании ФБК Grant Thornton
Игорь Алексеевич Николаев

Российская экономика [Текст] : курс лекций : в 2 кн. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-1949-3 (в пер.).

Кн. 1. Истоки и панорама рыночных реформ / Е. Г. Ясин. — 2-е изд., перераб. — 448 с. — ISBN 978-5-7598-1951-6 (кн. 1). — ISBN 978-5-7598-1889-2 (e-book).

Курс лекций охватывает ключевые проблемы российской экономики и общества в период до 2000 г. В книге разъясняется неизбежность рыночных реформ, их логика. Показано, как и почему действительность отличалась от теоретических схем, проводятся исторические параллели, сопоставления с опытом зарубежных стран. Как непосредственный участник многих из описанных в книге событий автор рассказывает о малоизвестных фактах, предлагает нетрадиционные трактовки и комментарии, делает интересные, порой неожиданные выводы.

Книга предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей экономических вузов, факультетов и специальностей, а также для всех интересующихся экономическими реформами в России.

УДК 338(470+571)
ББК 65.9(2Рос)

Книга впервые издана в 2002 г. (М.: Изд. дом ГУ ВШЭ).

Второе издание книги приурочено к 85-летию Евгения Григорьевича Ясина.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1951-6

ISBN 978-5-7598-1949-3 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1951-6 (кн. 1)
ISBN 978-5-7598-1889-2 (кн. 1: e-book)

© Ясин Е.Г., 2002; 2019
© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019

Оглавление

Предисловие ко второму изданию	7
Предисловие к первому изданию	9
1. Россия до революции 1917 г.	
1.1. Была ли Россия отсталой страной: две модели социальной организации. Был ли в России феодализм?	16
1.2. Промышленность и транспорт после 1861 г.	22
1.3. Аграрный вопрос	25
1.4. Экономическая и финансовая политика	31
Рекомендуемая литература	34
2. Советская социалистическая экономика: структура и организация функционирования	
2.1. Победа государственной монополии	36
2.2. Иерархия и планирование	39
2.3. Реальное функционирование: врожденные пороки	43
2.4. “Законы системы”	53
Рекомендуемая литература	55
Дополнительная литература	56
3. Советская экономика: неизбежность кризиса и реформ	
3.1. Успехи и их причины	58
3.2. Ситуация в начале 1960-х: продовольственный кризис и начало нефтяной лихорадки	66
3.3. Нарастание признаков кризиса в промышленности	68
3.4. Нефтедоллары оттягивают кризис	70
3.5. Попытки реформ в 1950—1970-е гг.	73
Рекомендуемая литература	83
4. Перестройка: реформы в рамках социалистического выбора	
4.1. Политика ускорения	86
4.2. Размышления накануне радикальной реформы	90

4.3. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС. Закон о предприятии.....	94
4.4. Кооперация и аренда	98
4.5. Торжество демократии	102
4.6. Нарастание кризиса и экономическая политика во второй фазе перестройки	106
Рекомендуемая литература	112
5. Распад СССР	
5.1. Можно ли было ожидать распада Союза.....	116
5.2. Кризис и распад СЭВ — прелюдия.....	119
5.3. Роль демократизации.....	122
5.4. Влияние экономической политики правительства Рыжкова.....	124
5.5. Борьба России за суверенитет	127
5.6. Судьба экономического союза	129
5.7. Значение распада Союза для России: потери и выгоды.....	134
Рекомендуемая литература	136
6. Формирование программы реформ (Нужна ли была шоковая терапия?)	
6.1. Ситуация в стране осенью 1989 г. Спрос на программу реформ.....	138
6.2. Шоковая терапия в Польше	144
6.3. Мартовская (1990 г.) программа Н.И. Рыжкова.....	147
6.4. Шопронский семинар	156
6.5. Программа “500 дней”	159
6.6. Борьба программ	174
Рекомендуемая литература	178
7. Теория перехода от плановой экономики к рыночной	
7.1. Существуют ли закономерности перехода?.....	180
7.2. Несовместимость двух систем.....	182
7.3. Переходные процессы	185
7.4. Проблемы и трудности переходного периода.....	194
7.5. Роль государственной политики	197
Рекомендуемая литература	201
8. Либерализация	
8.1. Либерализация цен	204
8.2. Снятие ограничений на доходы и заработную плату.....	213
8.3. Открытие экономики	215
8.4. Дерегулирование.....	219
Рекомендуемая литература	226

9. Приватизация	
9.1. Необходимость и предпосылки приватизации	228
9.2. Споры о программе.....	231
9.3. Первый этап — чековая приватизация	238
9.4. Второй этап — денежная приватизация	248
9.5. Результаты. Приватизация и модернизация	253
Рекомендуемая литература	254
10. Макроэкономическая стабилизация	
10.1. Содержание и цель макроэкономической стабилизации в процессе рыночных реформ.....	258
10.2. Закономерности макроэкономической стабилизации	259
10.3. Первая попытка макростабилизации в России (1992 г.)	266
10.4. Вторая попытка (1993—1994 гг.)	269
10.5. Третья попытка (1995—1997 гг.).....	271
10.6. Раскручивание рынка ГКО	279
Рекомендуемая литература	282
11. Виртуальная экономика и монетизация	
11.1. Неплатежи и неденежная экономика: российский феномен	284
11.2. Что такое виртуальная экономика?.....	293
11.3. “Широкие деньги” в России накануне кризиса	299
11.4. Дискуссия о монетаризме: уровень монетизации и спрос на деньги	301
11.5. Конец виртуальной экономики.....	307
Рекомендуемая литература	310
12. Бюджет и бюджетная политика	
12.1. Бюджет государства — зеркало национальной экономики.....	312
12.2. Государственный бюджет советского периода.....	316
12.3. Перестройка и начало бюджетного кризиса	319
12.4. Бюджетный процесс в начальный период либеральных реформ (1992—1994 гг.).....	325
12.5. Льготы, субсидии, бюджетные ссуды.....	327
12.6. От “черного вторника” до 17 августа (1995—1998 гг.).....	332
12.7. Бюджетный федерализм.....	336
12.8. Разработка, утверждение и исполнение бюджета	344
Рекомендуемая литература	352

13. Налоговая система

13.1. Предыстория. Становление налоговой системы в новой России.....	354
13.2. Современная налоговая система	357
13.3. Номинальное и реальное налоговое бремя.....	358
13.4. Проблемы налогового администрирования	361
13.5. Эволюция налоговой системы. Налоговая реформа	369
Рекомендуемая литература	373

14. Банковская система

14.1. Структура финансовых рынков.....	376
14.2. Советская банковская система.....	378
14.3. Формирование двухуровневой банковской системы. Парадокс обогащения при обнищании	380
14.4. Первый банковский кризис 1995 г. и второй банковский бум.....	384
14.5. Центральный банк.....	391
14.6. Банки после кризиса 1998 г.	396
Рекомендуемая литература	399

15. Финансовый кризис 1998 г.

15.1. Календарь кризиса	402
15.2. Антикризисная программа.....	408
15.3. Отношения с международными финансовыми организациями.....	413
15.4. Причины кризиса: два подхода	417
15.5. Последствия кризиса. Переосмысление политики	421
Рекомендуемая литература	425

16. Наследие Гайдара (частная собственность)

16.1. Провал или успех? Время завершения первого этапа.....	428
16.2. Статистические казусы.....	434
16.3. Основные структурные и институциональные изменения. Где мы находимся?	437
16.4. Незавершенность реформ.....	441
Рекомендуемая литература	445

Об авторе	446
-----------------	-----

Предисловие ко второму изданию

Данная книга является вторым, переработанным изданием версии, опубликованной в 2002 г. Для перевыпуска было две основные причины.

Во-первых, за более чем 20 лет чтения лекций по курсу «Российская экономика» для студентов экономического факультета Высшей школы экономики накопились правки и уточнения в основной текст книги.

Во-вторых, переиздание книги совпадает с публикацией ее логического продолжения «Российская экономика. Настоящее и перспективы после реформ». Если первая книга фокусировалась на том, как мы пришли к проведенным реформам 1990-х годов и что получили в результате к началу 2000-х годов, то вторая книга анализирует произошедшее с начала 2000-х годов и до 2018 г. Если первая книга была подготовлена мной, то вторая книга — набор работ разных авторов по ключевым сферам экономики. И это набор не разрозненный, а пронизанный единой концепцией повествования. В каждой главе была сделана попытка объяснить значимость темы, показать место России в мире, описать мировые тенденции и основные этапы развития сферы, которой посвящена глава, в нашей стране.

Обе книги стоит рассматривать как единую базу для полноценного освоения курса «Российская экономика» как в очном формате, так и в онлайн-формате, который будет запущен в Высшей школе экономики с сентября 2019 г, за поддерж-

ку которого хотел бы выразить отдельную благодарность бессменному ректору ВШЭ Ярославу Ивановичу Кузьминову.

Евгений Ясин
2019 г.

Предисловие к первому изданию

В основе настоящей книги — курс лекций по российской экономике, читаемый на первом курсе магистратуры в Государственном университете — Высшей школе экономики с 1998 г. Однако эта книга не учебник, для этого ей не хватает многого: четкого дидактического инструментария, столь полезного для усвоения предмета; вопросов для контроля знаний; методически выверенного списка литературы, а главное — беспристрастности, на мой взгляд, необходимой для учебника, который должен дать максимум информации, оставляя вместе с тем право выбора той или иной позиции, допускаемой на определенном уровне овладения профессиональными знаниями. Короче, до учебника эта книга не дотягивает.

В ней важное место занимает мой личный опыт, моя позиция. Как непосредственный участник и наблюдатель важнейших событий в российской истории конца XX в., я в то же время обладаю в некотором роде уникальными сведениями, которыми считаю полезным поделиться с моими студентами, а благодаря такой возможности и не только с ними. Личный опыт, субъективное восприятие поэтому составляют важную сторону книги. К тому же я старался писать до-

ступным языком, избегать математических выкладок, уже почти обязательных в экономической литературе.

Но это и не мемуары. От них книга отличается прежде всего тем, что я пишу не только о том, чем сам занимался, что сам видел, но и обо всем, что, по моему мнению, важно для понимания процессов, происходивших и происходящих в российской экономике. Я не стараюсь ни рекламировать себя, ни оправдываться, ни обвинять. Моя задача — осмысливать вместе с читателем события, составившие один из самых важных периодов в истории России.

В центре внимания — экономические реформы, процесс перехода от плановой экономики к рыночной. Но осмысление этого процесса потребовало весьма широкого контекста. Поэтому в книге присутствуют главы, посвященные российской экономике с отмены крепостного права и, понятно, советского периода. Становление, расцвет и упадок планового хозяйства составляет особый интерес для меня — ведь большую часть своей жизни я посвятил именно его исследованию. Я сдерживал себя, чтобы, говоря об этом периоде, не вдаваться в подробности, которые сегодня уже, слава Богу, привлекают только историков.

Эта книга, несмотря на то что в ее оглавлении вы найдете определенные следы хронологии, а в содержании — описание некоторых важных событий с упоминанием персоналий, не является и пособием по экономической истории России.

Я ставил перед собой две задачи.

Во-первых, понять логику событий, их взаимосвязь. Методологическая схема примерно такая: в развитии страны появляются точки перелома, качественных изменений, бифуркаций, когда принимаемые политические решения могут изменить направление и темп развития страны. Важно понять, какие это точки и какой выбор предоставляется лидерам в момент их прохождения.

Между этими точками возможности маневра оказываются ограниченными, вас влечет естественный ход событий, во многом predetermined тем, что происходило ранее и вокруг.

Реконструируя процесс развития, можно в каждой точке траектории представить некий оптимальный путь, на котором разность выгод и издержек достигает лучших в каком-то смысле значений. Равным образом можно представить пессимистический и реалистический варианты. Жизнь прокладывает еще один путь, который можно сравнить с воображаемыми и тем самым оценить, что получилось, имели место поражения или победы. Я старался следовать этой схеме в течение всего изложения.

Во-вторых, я пытался представить развитие российской экономики как процесс становления, функционирования и разрушения институтов — в том смысле, как их понимает институциональный анализ. Это близко к тому, что в марксистской политической экономии понимается под производственными отношениями: отношения, формирующие поведение.

Институциональный анализ ставит своей задачей объяснить, почему страны и общества различаются по уровню экономического развития. Одни добиваются устойчивого процветания, другие — бедствуют, переживая кризис за кризисом. Объяснения связываются с институтами, формальными и неформальными ограничениями и нормами поведения, которые являются обобщением опыта и облегчают выбор решений в конкретных ситуациях. В одних странах складываются институты, способствующие развитию. Как правило, это институты свободного рынка и открытого демократического общества. В других сложившиеся институты становятся тормозом развития. Тогда либо все больше накапливается отставание и общества приходят в упадок, либо происходит революция, ломающая старые институты, но отнюдь не гарантирующая, что новые институты, складывающиеся после нее, будут более совершенными. При том, как отмечает Д. Норт, один из столпов институционализма, при самых радикальных революциях многие старые неформальные институты сохраняются: “Даже русская революция — самая, возможно, полная из известных нам формальных трансформаций — не может быть понята до конца, если мы не разберемся в вопросе выживания и упорного сохранения многих неформальных ограничений”¹.

Примерно то же содержание Е.З. Майминас вкладывал в понятие социально-экономического генотипа².

Развитие российского общества в последние 150 лет — это дважды почти тотальное разрушение политико-экономических институтов и структур и трижды — попытки выстраивания их в целостные системы, способные обеспечить эффективное функционирование социального организма. Второй попыткой было строительство коммунизма. Третья происходит на наших глазах в противоречиях и муках, с утратой иллюзий и пробуждением надежд.

Почему страна оказалась в мирное время в столь глубоком кризисе? Удается ли вывести ее из кризиса, обусловленного “походом” в тупик, в сторону от мировой магистрали, и последующей очередной ломкой? Происходит ли ныне становление институтов, способных обеспечить устойчивое и динамичное развитие страны? На эти вопросы я старался дать ответ.

Уже уходят в прошлое 1991—1992 гг., поворотный пункт в нашей истории. Но интерес к ним не угасает, по крайней мере у тех, кто ищет ответ на поставленные вопросы, кто считает события этих лет или страшной ошибкой, или спасением от катастрофы, требовавшим от участников событий мужества и самоотречения.

Как-то советник Ю.М. Лужкова, а затем министр в московском правительстве

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 57.

² Майминас Е.З. Российский социально-экономический генотип // Вопросы экономики. 1996. № 9.

К.Б. Норкин спросил меня: как же так — в стране есть потребность в продукции отечественных производителей. Есть и мощности, которые еще пять лет назад позволяли производить вдвое больше продукции — мяса, молока, тканей, станков. Как могло произойти, что теперь мощности стоят, люди не имеют работы и средств к существованию? Почему это нельзя было предотвратить? Почему сейчас нельзя быстро восстановить объемы производства, имея людей и мощности? Что это за реформы, которые дают такие результаты? Кому они нужны?

Вопросы эти, в значительной мере риторические, очень понятные, их задают многие, в том числе заслуженные академики. Но именно тогда, в беседе с Норкиным, уже открыв рот в твердой уверенности, что мне есть что сказать, я вдруг обнаружил: убедительный и лаконичный ответ так просто не получается. Эта книга вся в каком-то смысле является ответом. И в нем главная мысль: в наши дни Россия еще раз получила шанс стать свободной, процветающей страной. Не хуже других. Избавиться от комплекса отсталости, который преследует ее уже почти 400 лет.

Хочу выразить благодарность всем, кто помог мне в работе над книгой и содействовал формированию выраженных в ней мыслей.

Прежде всего это мои товарищи по Центральному экономико-математическому институту, в общении с которыми формировались мои взгляды. Не могу не вспом-

нить первыми тех, кто ушел от нас: моего дорогого друга Е.З. Майминаса, А.И. Анчишкина, С.С. Шаталина, Ю.В. Яременко, К.Г. Гофмана. Хочу поблагодарить других, дай им Бог здоровья, Н.Я. Петракова, Ю.Р. Лейбкинда, В.А. Волконского, В.В. Ивантера. За пределами ЦЭМИ — коллег-единомышленников В.Г. Стародубовского, Р.Н. Евстигнеева, В.Д. Белкина. А.Г. Аганбегян и Л.И. Абалкин были для меня руководителями в период перестройки. Никогда не забуду работу и дружбу с Г.А. Явлинским в 1989—1991 гг. К сожалению, жизнь развела меня со многими из них. Я хочу особо поблагодарить тех, кто стал моими товарищами и соратниками в годы реформ: Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса, Я.М. Уринсона, С.К. Дубинина, С.В. Алексашенко, А.В. Улюкаева, В.А. Мау, С.А. Васильева, Д.В. Васильева, С.М. Игнатьева, О.В. Вьюгина, Э.С. Набиуллину, Б.Г. Салтыкова, М.М. Задорнова, Д.А. Киселева, М.Э. Дмитриева, П.П. Мостового.

Мои друзья и коллеги из Высшей школы экономики — Я.И. Кузьминов, А.Н. Шохин, Л.Л. Любимов, Р.М. Энтов, Л.И. Якобсон, А.А. Яковлев, В.В. Радаев, Т.Г. Долгопятова, И.В. Липсиц, О.И. Шкаратан, Р.М. Нуреев, Л.Г. Ионин, Г.Г. Канторович — создавали и создают уникально благоприятную интеллектуальную среду, которая стимулировала мою работу.

В Макроэкономическом клубе я имею возможность постоянно обсуждать важные проблемы с А.Р. Белоусовым, А.В. Дворковичем, Е.Е. Гавриленко-

вым, Э.Ф. Барановым, С.Т. Гурвичем, Л.М. Григорьевым.

Хочу отметить также моих зарубежных друзей и коллег, оказавших наибольшее влияние на мои представления, — С. Фишера, Р. Дорнбуша, У. Нордхауза, Я. Ростовски, А. Ослунда, М. Домбровски, М. Гардаша, М. Гилмана.

Велик вклад и моих непосредственных сотрудников, особенно Г.Ю. Трубецкой, а также А.В. Косыгиной, А.В. Трапковой, И.В. Разумова, А. Молдавер.

Если итог отрицательный, ответственность за него несет только автор.

Евгений Ясин
2002 г.

*Посвящается
Е.Т. Гайдару*

1

Россия до революции 1917 г.

Была ли Россия
отсталой страной —
две модели
социальной
организации.
Был ли в России
феодализм?

Промышленность
и транспорт после 1861 г.

Аграрный вопрос

Экономическая
и финансовая
политика

1.1

Была ли Россия отсталой страной: две модели социальной организации. Был ли в России феодализм?

Обращаясь к российской истории XIX—XX вв., очень важно понять, были ли объективно обусловлены катаклизмы, пережитые страной за последние 100 лет. Есть ли основания считать, что коммунистическая модернизация вырвала страну из отсталости, выведя ее в сверхдержавы, на пик могущества, никогда прежде Россией не достигавшийся, а рыночные реформы 1990-х гг., напротив, привели ее в состояние упадка. Или же справедлива иная гипотеза: перед революцией Россия была динамичной, быстроразвивающейся страной и, не будь этой самой революции, она могла бы добиться куда больших успехов.

Оценивая ситуацию в целом, справедливо будет отметить, что перед революцией Россия отставала от передовых стран Западной Европы и США по уровню производства и потребления. В 1913 г. объем промышленного производства был в 2,5 раза меньше, чем во Франции, в 4,6 раза — чем в Англии, в 6 раз — чем в Германии, в 14,3 раза — чем

в США¹. Средняя урожайность хлебов в 1909—1913 гг. была в 2 раза ниже французской, в 3,4 раза ниже германской. Но здесь надо делать поправку на интенсивность хозяйства: в России экстенсивное направление в сельском хозяйстве было тогда выгодней.

В то же время по темпам развития обрабатывающей промышленности Россия в предвоенные годы уступала только США и Японии. В 1911—1913 гг. по сравнению с 1896—1900 гг. среднегодовые темпы (%) составили²:

Россия	4,8
США	5,2
Германия	4,0
Великобритания	1,6
Франция	3,5

Япония обогнала Россию по темпам роста промышленности только после 1900 г.

Правда, по расчетам Ю.П. Соколова³, в США за 1860—1913 гг. ВВП на душу населения вырос с 860 до 2500 долл., а в России за те же годы — с 350 до 600 долл. Но это в сравнении только с одной из наиболее динамичных тогда стран. В целом же Россия медленно догоняла Европу, держась от нее все же на весьма солидном расстоянии. По общепринятым показателям (объему ВВП или национальному доходу) перед Первой мировой войной наша страна входила в число лидеров, занимая пятое место в мире после США,

Германии, Англии и Франции. Таким образом, по сравнению с западными странами Россия была отсталой, но динамично развивалась. Во всяком случае, отставание не увеличивалось.

Но это в целом. Что же касается структуры экономики, то бросалось в глаза колоссальное различие между современным промышленным сектором, полностью интегрированным в мировую экономику, и огромным аграрным, большей частью находившимся в состоянии крайней отсталости, практически продолжавшим жить в Средневековье. Собственно, противоречия между потенциалом динамичного развития и отставанием большей части страны стали одной из главных причин катаклизмов XX в.

В современный сектор почти без задержки доходили мировые достижения науки и техники. Машиностроительные заводы Петербурга, Москвы, Риги, текстильная промышленность Московского и Ивановского районов, уголь и металлургия Донбасса, нефть Баку, растущая сеть железных дорог представляли лицо той России, которая доказывала свою способность усваивать и распространять материальные достижения передовой техники и технологии. Зависимость от Запада, безусловно, имела место, иностранные инвестиции играли важную роль в подъеме российской экономики. Жители Петербурга, Москвы, Варшавы,

¹ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1954. С. 220.

² *Хромов П.А.* Экономическая история СССР. М., 1969. С. 129.

³ *Sokoloff G.* La puissance pauvre. Une histoire de la Russie de 1815 a nos jours. Paris, 1993. P. 787—790.

Одессы получали доступ к благам цивилизации практически одновременно с жителями европейских столиц. Здания дореволюционной постройки до сих пор являются украшением многих русских городов.

Но сельская Россия, огромное количество провинциальных городов жили еще примерно так же, как 50 лет назад, когда 19 февраля 1861 г. император Александр II издал манифест о крестьянской реформе, об отмене крепостного права. Аграрный сектор был опутан феодальными пережитками. Свойственные предыдущей эпохе институты, такие как община, круговая порука, периодический передел земель, продолжали препятствовать развитию свободных рыночных отношений в деревне и росту производства.

Комплекс неполноценности, обусловленный отставанием страны, начал проявляться в России еще в XVII в., до Петра I, когда русские на практике ощутили, что европейцы ушли вперед в промышленности, военном деле, управлении государством. С тех пор стремление ликвидировать отсталость, догнать Европу, жить не хуже стало неизменным побуждением властей и их подданных к реформам и модернизации.

В политико-экономическом мышлении стали складываться два основных течения. Одно — прозападное, стремящееся перенести европейские достижения на российскую почву, не всегда с учетом отечественных реалий. Другое — почвенническое — защищало традиции, старалось усмотреть в российской отсталости особость русского пути, превосходство над Европой, где ценности материального благосостояния вытесняли, как казалось, ценности духовные. Эти дискуссии в новых формах, в иных терминах и по иным поводам продолжают и сегодня. Продолжаются и поиски исторических институциональных и потому непреодолимых различий между Россией и Западом. Одно из главных различий, возникших еще в Средние века, усматривается в том, что в России не сложилась та городская жизнь, которая оказалась столь характерной чертой Западной Европы.

Интересно, что в наше время дискуссия о феодализме в России возобновилась. Так, профессор С. Хакамада утверждает, что феодализм — особенность Европы, а в России и в Японии его не было.

Вот описание русской социальной организации, которую дает А.Г. Вишневский со ссылкой на И.В. Киреевского:

“Большинство населения составляли крестьяне. Крестьянин в России жил как бы в самой глубине социальной матрешки: сам он находился внутри семьи, семья — внутри общины, а уж на семейно-общинном основании возводились все остальные этажи русского общества. В середине XIX века И. Киреевский так рисовал всю его иерархическую структуру: «Семейные отношения каждого были определены прежде его рождения; в таком же предопределенном порядке подчинялась семья миру, мир более обширный —

сходке, сходка — вече и т.д., покуда все частные круги смыкались в одном центре, в одной Православной Церкви».

«Матрешечная» конструкция системы общественных связей по-своему сложна и эффективна. Она позволяет сочетать достаточно жесткое вертикальное соподчинение уровней социальной пирамиды с относительной самостоятельностью каждого уровня (это относится, в частности, к поземельным отношениям: право на пользование землей как бы распределено между уровнями, ни одному из которых она не принадлежит полностью). В силу малых размеров и значительной замкнутости сельской общины, в рамках которой протекала жизнь большинства людей, человек постоянно находился в непосредственном общении и взаимодействии с односельчанами, с сельским «миром», под его постоянным надзором, был связан со всеми взаимной ответственностью, круговой порукой. Такая система отношений предполагает многообразие неравенства, сложную иерархию личных зависимостей. В то же время все отношения персонифицированы, что придает жизни в этой системе «человеческую теплоту», о которой ностальгически вспоминают люди, оказавшиеся в мире городских обезличенных связей»⁴.

Но матрешечная конструкция — это и в Японии, она выглядит иначе, чем в и есть облагоустроенное описание феодальной системы. Просто в России, как Европе.

Гардарикой, страной городов называли Русь древние варяги. Но это были не те города. В XII—XIII вв. в Европе стали, будто грибы после дождя, расти города как центры ремесленной промышленности и торговли, а также противостояния произволу феодальных баронов, со специфической организацией самоуправления. На Русь в это время из Центральной Азии пришли орды татаро-монгольских кочевников.

М.И. Туган-Барановский так писал об этом:

“В России прежнего времени не было города в том смысле, в каком он был в Средние века в Западной Европе. Прежде всего городов в России было так мало, что они тонули в общей серой массе деревень. Но и те города, которые были, имели иной характер, чем города на Западе. Город на Западе был центром мелкой промышленности, работавшей не на торгового посредника, а непосредственно на потребителя. В России же город был преимущественно административным и торговым центром, а промышленность

⁴ Вишневский А.Г. Серп и рубль. М., 1998. С. 19; Киреевский И.В. В ответ А. Хомякову. Критика и эстетика. М., 1979. С. 149.

была раскинута главным образом по деревням. Во многих местах России издавна была развита кустарная промышленность — преимущественно там, где почва была мало пригодна для земледелия и населению приходилось прибегать к подсобным заработкам. Но между западноевропейским городским ремесленником и русским деревенским кустарем было существенное различие: первый работал на местного жителя, на местный рынок, а второму приходилось работать на отдаленный рынок (ибо местного рынка не было), почему являлась необходимость в торговом посреднике. Таким образом, из отсутствия городов вытекала необходимость торгового капитала, и торговый капитал подчинял себе мелкого производителя. Купец был необходим для русского кустика потому, что потребители кустарных изделий были развезены по всей огромной территории России и прямые сношения с ними были невозможны для кустарей.

Отсутствие городского ремесла имело своим естественным следствием особенно влиятельное положение в экономическом и социальном строе Московской Руси капиталиста-торговца.

Политическое преобладание Москвы основывалось, между прочим, и на том, что Москва была торговым центром громадного края, промышленность которого находилась в непосредственном подчинении торговому капиталу, сосредоточенному преимущественно в Москве. Торговый класс был, вслед за земельным дворянством, самым влиятельным классом старинной Руси.

В то же время Московское государство совершенно не знало того социального класса, который сыграл такую огромную роль в истории Западной Европы — класса свободных городских ремесленников. Новейшие российские исследователи — например, Н.П. Павлов-Сильванский — находят в древней Руси элементы феодального строя (Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси, 1908; Его же. Феодализм в удельной Руси, 1910). Но цеха, городского ремесла — в том виде, как это сложилось на Западе, — Россия ни древняя, ни новая никогда не знала. Россия не знала той стройной и законченной организации мелких промышленников, на почве которой возникла вся культура капиталистического Запада; городские общины Запада завоевали не только свою свободу от власти феодалов, но и привели, в конце концов, к крушению абсолютной монархии. «Die städtische Luft macht frei» («городской воздух дает свободу») — повторим то, что говорили в Средние века, и эта поговорка полна глубокого смысла. У нас не веял этот воздух торгово-промышленного города, добившегося обширных прав, — и потому не было почвы и для свободы⁵.

⁵ Тузан-Барановский М.И. Основы политической экономии: 5-е изд. Пг.: Право, 1918.

“Еще одним коренным отличием исторических условий развития России сравнительно с Западом, — продолжает Туган-Барановский, — отличием, непосредственно вытекавшим из первого, была необычайная сила и устойчивость в России принудительного труда. Нигде рабство не пустило таких глубоких корней в народную жизнь, как в России. И, что всего замечательнее, рабство у нас не отмирало по мере поступательного хода истории, а все теснее и теснее сплеталось с нашим хозяйственным и социальным строем. В этом отношении чрезвычайно характерна история нашего крепостного права. В XV и XVI веках оно еще не сложилось в определенный социальный институт. В XVI и XVII веках закрепощение крестьянина заканчивается, но крепостной крестьянин все же остается крепостным своего помещика, а не его рабом — он все же не совершенно бесправное существо. Российское государство развивает дальше и дальше свое политическое могущество, превращается в колоссальную империю — и все ниже и ниже падает крестьянин”⁶.

Ужесточение эксплуатации крепостных крестьян к концу существования крепостного права объясняется увеличением спроса на сельхозпродукты и возможностей экспорта, стремлением крепостников заработать на внешних рынках. Примерно та же тенденция наблюдалась в США перед Гражданской войной и освобождением негров.

Этот мотив не мог не возникнуть у тех властителей России, которые хотели модернизировать свою страну: давления снизу в пользу свободы и права нет, сопротивление любому произволу сверху почти отсутствует.

В таком положении оказался Петр I, когда вознамерился вывести Россию в ряд европейских держав. Ему это удалось преимущественно за счет заимствования материальных достижений Европы при сохранении и даже закреплении существовавших феодальных порядков.

Крепостные мануфактуры Демидова, рекрутчина и т.п. — символы того времени наряду с немецким платьем, учением дворянских детей и бритьем бород. Итогом был промышленный рост, сделавший Россию важным производителем чугуна, оружия. В то время родились многие славные промыслы, например Гжель, усвоившая приемы мастеров из Дельфта. Было немало изделий, не уступавших иностранным, но сделанных руками рабов, а не свободных людей.

В развитии, опиравшемся на самодержавие и крепостничество, был свой потенциал, хотя ясно, что различия в источниках роста в Европе и в России сами по себе определяли отставание последней. Феодально-крепостническая Россия достигла апогея во время войны против Наполеона и доминирования в Европе до революций 1848 г. и Крымской войны. Последняя же показала полную

⁶ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 108.

исчерпанность этого потенциала, нарастающее отставание от других стран вследствие именно консервации феодальных институтов.

Не правда ли, похоже на то, что произошло у нас еще раз в конце XX в.?

Вопрос в том, означают ли отмеченные Туган-Барановским отличия России от Европы непреодолимость ее отставания? Не являются ли они нашим крестом, который мы должны нести просто в силу неизменности или малой изменчивости сложившихся в нашей стране институтов? Если верить Д. Норту, то скорее да — с большой вероятностью. Туган-Барановский, напротив, полагал, что традиционный русский строй не помешал России прийти к капиталистической системе хозяйства и “в настоящее время (в начале XX в. — *Е. Я.*) в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе”. Последовавшие события поставили под вопрос это утверждение, но они и не подтвердили правоту Д. Норта.

1.2 Промышленность и транспорт после 1861 г.

Реформы Александра II не только охватили аграрные отношения, но и в целом создали более либеральные условия для развития экономики. Главное — стал усиливаться поток рабочей силы, перетекавшей из сел в города. Города и промышленность стали расти намного

быстрее. При господстве крепостничества не было массового спроса на промышленную продукцию и технический прогресс. Мы с гордостью сопоставляем Ползунова и Уатта, Черепанова и Стефенсона, Лодыгина и Эдисона, но это лишь утешение: дескать, мы не глупее, рынка же для Ползуновых, Яблочковых, Поповых в России не было даже в конце XIX в. И хотя капиталистическая промышленность стала развиваться еще с 1830-х гг., серьезного подъема не было и отставание от Запада нарастало — во всех сферах, включая военную.

Отмена крепостничества дала толчок развитию промышленности, но, что характерно, не сразу. В первое десятилетие после реформы сдвигов почти не было, шел в основном процесс формирования новых отношений и институтов, вырисовывались узкие места.

Развитие промышленности еще с 1830-х гг. опиралось в значительной мере на рабочую силу крестьян на оброке. Но преобладала кустарная промышленность, большей частью сельская, основанная на крепостном труде.

Первым следствием отмены крепостного права было сокращение производства на помещичьих, бывших вотчинных и посессионных фабриках. В суконной промышленности, где такого рода предприятия преобладали, с 1858 по 1863 г. число фабрик сократилось с 419 до 365, рабочих — с 92 до 72 тыс.

Из городов в деревню стали возвращаться крестьяне за своим наделом, полагая, что теперь и в деревне будет свободная жизнь.

Далее все более заметным становился не просто экономический рост, но и серьезные структурные сдвиги, прежде всего за счет индустриализации и железнодорожного строительства.

Развитие было неравномерным. С 1861 по 1913 г. Российскую империю трижды поражали кризисы, из которых экономика выходила медленно, с большим трудом, затрачивая десятилетие там, где западным странам на послекризисную адаптацию требовалось два-три года. В 1891 г. страна пережила страшный голод. Поражение в Русско-японской войне, революция 1905—1907 гг. — знаки нарастающей социально-политической нестабильности, острых противоречий. И тем не менее весь этот период был временем небывалого в истории страны экономического подъема.

Только за годы подъема 1887—1900 гг. объем промышленного производства вырос в 2,5 раза, число промышленных рабочих — в 1,8 раза. За 1870—1900 гг. добыча нефти увеличилась с 290 тыс. до 10,1 млн т. К началу Первой мировой войны она составляла уже около 18 млн т. Россия, в первую очередь за счет Баку, была одной из крупнейших нефтедобывающих стран.

Сеть железных дорог возросла с 4,68 тыс. верст в 1870 г. до 70,3 тыс. верст в 1915 г., более чем в 15 раз. И хотя Россия

позже других начала железнодорожное строительство и уступала другим странам по густоте сети, но именно в те годы была создана железнодорожная сеть, которая по сей день не с такими уж значительными добавлениями удовлетворяет нужды страны. Главный итог — огромный рост товарообмена, расширение и развитие рынков, увеличение спроса на российскую продукцию.

В 1890-х гг. Россия демонстрировала самые высокие темпы роста. Так, за 10 лет производство чугуна выросло в России на 190% против 18% в Англии, 72% в Германии, 50% в США. Добыча угля увеличилась на 131% против 22% в Англии, 52% в Германии, 61% в США⁷.

В предвоенные 1908—1912 гг. добыча угля выросла на 79,3%, производство чугуна — на 24,8, железа и железных изделий (сталь) — на 45,1%. За 1900—1913 гг. физический объем промышленной продукции вырос на 74,1%⁸.

Быстро развивалось и сельское хозяйство. Несмотря на все ограничения, за 30 лет после реформы сбор зерновых вырос с 2 до 3,3 млрд пудов (с 32 до 58 млн т до 1913 г.)⁹.

В 1908—1912 гг. производство пшеницы возросло на 37,5%, ячменя — на 62,2, овса — на 20,9, кукурузы — на 44,8%. Здесь можно говорить о некотором влиянии аграрной реформы П.А. Столыпина.

⁷ Лященко П.И. Указ. соч. Т. 2. С. 213.

⁸ Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 г. до конца наших дней: В 3 кн. Кн. 1. М.: МИК, 1995. С.10—11.

⁹ Лященко П.И. Указ. соч. Т. 2. С. 72.

В годы хорошего урожая Россия давала до 40% мирового экспорта пшеницы.

Все эти цифры не обязательно помнить. Но они должны оставить впечат-

ление о предреволюционной России как о динамично развивающейся стране, как об одной из точек роста мирового хозяйства.

Особенностью российской промышленности была, как известно, более высокая концентрация производства: меньше фабрик, но более крупных. В 1907 г. в Германии всего 11% рабочих было занято в крупнейших фабриках, в России же в 1902 г. на сопоставимых по размеру предприятиях было занято 40% рабочих. Туган-Барановский дает этому явлению следующее объяснение:

“Западная Европа знала другую промышленную культуру, кроме капиталистической. На Западе существовала и существует стойкая и жизнеспособная средняя и мелкая промышленность, имевшая славное прошлое и лишь шаг за шагом уступающая свои позиции крупному капиталу. На Западе имеется многочисленный средний класс — мелкие предприниматели, промышленники и торговцы, энергичные, предприимчивые и зажиточные, умеющие отстаивать в борьбе с крупным капиталом свои интересы. У нас же не было никакой другой промышленной культуры, кроме капиталистической, и нет зажиточного и многочисленного класса мелких предпринимателей... Россия страна социальных контрастов — мелкого кустарного производства и очень крупного фабричного, полунищей народной массы и малочисленных, но очень богатых и влиятельных капиталистов и землевладельцев”¹⁰.

Когда сегодня обсуждают проблемы малого бизнеса в России, надо принимать в расчет их исторические корни.

За полгода до Первой мировой войны французский экономист Эдмонд Тэрри выпустил книгу “Экономическое преобразование России”. В ней он отмечал и высокие темпы роста, и формирование значительных внутренних источников накоплений, что сулило хорошие перспективы. Он обращал внимание на высочайшие темпы роста населения: в 1900 г. — 135,6 млн человек, в 1912 г. — 171,1 млн

при увеличении обеспечения жителей продовольствием. Он дал оптимистический прогноз: в 1948 г. население России должно было достичь 343,9 млн человек.

Мы не знаем, как делался этот прогноз, учитывались ли изменения в тенденциях рождаемости и смертности в связи с урбанизацией, ростом благосостояния граждан. Но если исходить из того, что эти элементарные факторы были учтены и что население России в нынешних границах стабильно составляло примерно 55% населения империи или Союза, то мы

¹⁰ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 174.

скорректируем эту цифру до 180—190 млн человек. До конца XX в. население России могло вырасти, по самым скромным оценкам, до 200—220 млн человек. А сегодня у нас 142 млн граждан, и их число убывает. Разница в 55—75 млн человек — это цена, которую заплатила Россия за “прерванный полет”, за нарушение естественного хода своего развития, за глупость и авантюризм своих лидеров.

Конечно, при этом Россия оставалась сравнительно отсталой страной, дистанция от передовых стран в среднем на 50 лет сохранялась. Имея высокочлассную науку и весьма приличную систему образования, страна не стала независимым центром инноваций. Новинки большей частью импортировались. По своей активности, изобретательности, организованности российский бизнес уступал предприятиям партнеров. Главная причина — в отсталости институциональной структуры, прежде всего в аграрной сфере. Разрыв между передовым капиталистическим сектором российской экономики и преобладающим по массе полуфеодалным сельским хозяйством все это время нарастал.

1.3 Аграрный вопрос

Аграрный вопрос был главным для развития России. Мало того, что крестьянство к

началу Первой мировой войны составляло более 80% населения. Ниже приводится сокращенная схема баланса народного богатства России на 1 января 1914 г., разработанная блестящим российским и советским статистиком А.Л. Вайнштейном (см. табл. 1.1), которая показывает, что из суммы в 55,6 млрд золотых рублей покупательной силы 1913 г. 24 млрд, или 43,16% фондов, приходилось на сельское хозяйство. Иначе говоря, в аграрном секторе было сконцентрировано около половины всех ресурсов страны, и это без полного учета ценности земли, которую А.Л. Вайнштейн учитывал советским методом — по вложенным затратам.

Эти цифры отражают также низкий уровень фондовооруженности сельского труда или высокое аграрное перенаселение. Главное же состоит в том, что в Новое время, с XVI—XVII вв., основная энергия подъема экономики таилась в аграрно-индустриальном переходе от феодального к рыночному строению аграрных отношений. С.Ю. Витте писал, что в свободном крестьянском “Я” такой неисчерпаемый источник развития производительных сил, что освобожденный частный интерес способен преобразовать все земледелие¹¹.

Почему Англия, остров на краю Европы, еще в XIV—XV вв. считавшаяся отсталой страной, стала затем владычицей морей и мастерской мира? Ведь еще в XIII в. она была аграрным придатком

¹¹ Цит. по: Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000. С. 268.

Таблица 1.1 Баланс народного богатства на 1 января 1914 г.

Отрасли	Млрд руб.	% к итогу без потребительского имущества
1. Сельское хозяйство, включая рыболовство, охоту и лесное хозяйство	24,0	43,16
2. Железнодорожный транспорт	5,1	9,20
3. Водный транспорт	0,7	1,25
4. Грузы в пути на железной дороге и на водном транспорте	0,7	1,25
5. Автогужевые пути	0,8	1,44
6. Связь, включая железнодорожную	0,15	0,30
7. Городское хозяйство, городские фонды и благоустройство (включая торговлю, жилой фонд, социальные услуги)	12,475	22,40
8. Скот в городских поселениях, включая лошадей, используемых на транспорте и в связи	0,15	0,30
9. Военное имущество, включая казенные заводы	2,63	4,73
10. Учреждения культа	1,13	2,03
11. Промышленность (вся) без потребительского имущества	6,1	10,97
12. Потребительское имущество в индивидуальном пользовании	13,6	—
Всего	67,5	—
Всего без потребительского имущества в индивидуальном пользовании	55,6	100

Источник: Вайнштейн А.Л. Народное богатство и народнохозяйственные накопления предреволюционной России. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960.

Фландрии. Например, г. Брюгге вырос в крупный промышленный центр на переработке шерсти, которую везли из Англии. Что это, особые качества англосаксов? Так почему они не проявлялись раньше?

А дело в том, что Англия первой из стран Европы очистила аграрные отношения от феодализма, сделала их открытыми рыночными отношениями, основанными на частной собственности. Очистка про-

исходила грязно: огораживания, захват в частичную собственность государственных, церковных и общинных земель, войны феодалов на самоистребление и, наконец, Английская революция — первая буржуазная революция в Европе. Не скажу, что это единственное объяснение, но одними из главных факторов будущего расцвета Англии были именно радикальное освобождение аграрных отношений от феодальных пережитков, полная победа личной свободы и частной собственности. Великая французская революция — второй акт глубокой расчистки аграрных отношений для капиталистического развития не только во Франции, но и почти во всей Европе. Бурный технический и индустриальный прогресс Европы и США в XIX в. — следствие свободы, полученной прежде всего крестьянами, в том числе для того, чтобы стать торговцами или рабочими.

Много позже, во второй половине XX в., начнутся споры о китайском экономическом чуде. А ведь и в его основе тоже лежит аграрная революция, освобождение крестьянства. Точнее, освобождение большинства от земли, от привязанности к сельскому хозяйству, чтобы обеспечить рабочей силой промышленность и другие отрасли.

Россия отставала от Европы, потому что задержалась с освобождением крестьян. Правящий класс противился всем попыткам реформ. После воцарения Александра II, когда ликвидация крепостного права уже была решена, развернулась

борьба за то, какой будет реформа, на каких условиях крестьяне получат свободу. Царь маневрировал, стараясь достигнуть компромисса между реформаторами и крепостниками. Первые требовали личной свободы крестьян, наделения их землей, в том числе за счет владений помещиков, без выкупа или за очень умеренный выкуп, установления срока обязанностей крестьян перед помещиком. За эту программу выступали и либералы (К.Д. Кавелин, Б.И. Чичерин, Ю.Ф. Самарин), и революционные демократы. В какой-то момент ее почти полностью поддержал Я.И. Ростовцев, возглавлявший в то время комиссию по крестьянской реформе.

Ростовцева затем сменил В.Н. Панин, ярый защитник привилегий крепостников. Его программа — передача земли за большой выкуп, включая отрезки от наделов, которыми крестьяне пользовались до сих пор, обязанность отрабатывать или платить выкуп в натуре. Интерес государства учитывался сохранением общины и круговой поруки в уплате налогов.

В результате реформа была осуществлена на началах компромисса с максимальным учетом интересов помещиков. Условия для свободного развития рыночных отношений, для искоренения феодализма были созданы меньше чем наполовину.

Из убогой реформы, писал Н.Г. Чернышевский, выйдет революция. «Народ невежествен, исполнен грубых предрассудков и слепой ненависти ко всем отказавшимся от его диких привычек. Он не

делает никакой разницы между людьми, носящими немецкое платье; с ними со всеми он стал бы поступать одинаково. Он не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств, *он станет уничтожать всю нашу цивилизацию*¹².

Вещие слова. Реформы призваны упреждать революцию, но если они недостаточно радикальны и последовательны, чтобы решить задачу, то революция оказывается неизбежной. Реформа 1861 г. создала почву для преобладания на левом фланге российской политики радикально-революционных течений.

Поэтому когда мы говорим о таком феномене пореформенного развития России, как быстрый подъем и сохранение отсталости, то это можно трактовать следующим образом: находясь накануне перехода от феодализма к капитализму, от аграрной экономики к индустриальной, Россия обладала огромным зарядом энергии развития. Подъем 1861—1913 гг. использовал лишь малую часть этого заряда. Незавершенность реформ сдерживала развитие, вела к растрате национальной энергии или к трансформации ее в разрушительные формы.

*Туган-Барановский различает два типа общины — долевою и уравнильно-передельную*¹³. Долевая община, преобладавшая в Западной Европе и у нас распространенная на севере России (исследования А.Я. Ефименко), предполагает право всех членов общины на долю (притом не равную) земли, причем общинная земля не поделена в собственность между крестьянскими хозяйствами (дворами). В долевого общине отсутствуют переделы земли в целях уравнивания обеспеченности землей. Учитывая допускаемое в долевого общине неравенство владения землей, усиливаемое богатыми крестьянами, она легко трансформируется в частную собственность. В России же преобладала уравнильно-передельная община, где периодически, раз в 10—12 лет, осуществлялся передел в целях уравнивания членов общины по тому или иному признаку. Она-то и подрывала стимулы развития хозяйства, поскольку порождала чересполосицу (один двор имел несколько полос в разных местах), принудительный севооборот (от чересполосицы), временность владения, лишавшую интереса к улучшению земли. Кроме того, исключалась возможность выделения и увеличения эффективных хозяйств за счет неэффективных (как будто гуманно, но на деле получается торможение роста производительности). Власти же рассчитывали на улучшение сбора податей, а также выкупных платежей с помощью общины и круговой поруки.

¹² Цит. по: Плимак Е.Г., Пантин И.К. Указ. соч. С.198.

¹³ См.: Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 177—178.

С самого начала поэтому община по разным причинам нашла защитников в разных политических лагерях. Хотя поначалу власти относились к общине с подозрением по причинам, о которых речь шла выше, позже, особенно в 1880-х гг., они встали на ее защиту. Представители революционно-демократического лагеря — Н.Г. Чернышевский и А.И. Герцен видели в общине ростки социализма. Даже либерал К.Д. Кавелин не избежал иллюзий относительно общины¹⁴.

Последовательно против общины выступали социал-демократы, полагая, что Россия, как и другие страны, должна пройти через капитализм. В их споре с народниками по поводу общины они занимали прозападные позиции, тогда как народники сменили на почвенническом посту славянофилов.

В правящих кругах идею продолжения аграрной реформы и устранения общины снова выдвинул, правда весьма осторожно, Н.Х. Бунге, ставший в 1881 г. министром финансов. От него эту идею воспринял С.Ю. Витте. Он писал в воспоминаниях, что под влиянием Бунге превратился из славянофильствующего сторонника общины в ее убежденного противника¹⁵.

Бунге удалось в 1882 г. снизить выкупные платежи крестьян (на 12 млн руб.), отменить подушную подать и круговую поруку (это дало снижение податных тягот на 53 млн руб.). В 1882 г. был учрежден Крестьянский поземельный

банк для поддержки развития крестьянских хозяйств и одновременно — Дворянский банк для помощи помещикам. Но это все.

В октябре 1898 г. Витте в обоснование неизбежности новых реформ пишет письмо царю, приводя следующие цифры: “После 1861 г., имея 130 млн подданных, Россия увеличила бюджет с 350 до 1400 млн руб. Но уже эта тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн жителей составляет 1260 млн руб. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию населения Франции, то наш бюджет мог бы до-

¹⁴ Депутат Государственной Думы А.Ф. Бабянский при обсуждении реформ П.А. Столыпина в 1906 г. вспоминал поучения К.Д. Кавелина: “Господа, берегите общину, вы помните — это вековой институт” (*Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. С. 74*).

¹⁵ С.Ю. Витте писал, что великая реформа 1861 г., на словах сделав из крепостного свободного сельского обывателя, как раз и лишала его возможности свободно заниматься земледелием. Из соображений полицейских (надзор) и фискальных (круговая порука в выплате выкупа за землю) крестьян загнали в общины, где они страдали от чересполосицы, малоземелья, не хотели заботиться — из-за угрозы переделов — об улучшении агрокультуры. “Мужик” не мог покинуть деревню, ибо жил без паспорта (вспомним советские годы), община связывала его круговой порукой, вновь подчиняла его “миру” и дворянину — земскому начальнику (*Bumte С.Ю. Воспоминания: В 3 т. Т. 2. Таллин; М.: Скиф Алекс, 1994. С.491—492*).

стигнуть 4200 млн руб., а сравнительно с Австрией — 3300 млн руб. Почему же у нас такая налоговоспособность? Главным образом из-за неустройства крестьян. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них свободных и верноподданных сынов ваших”¹⁶.

Свободный и верноподданный — плохо сочетается. Самодержавие не хотело мириться ни с какой свободой, ни с какой самодеятельностью. Письмо Витте положили под сукно. Только в 1902 г. царь соизволил согласиться на созыв совещания по крестьянскому вопросу.

Но в начавшихся дебатах вопрос о помещичьих землях даже не затрагивался. Рекомендовалось перейти от общинного владения землей к индивидуальному, причем путем снятия препятствий, “которые ныне поставлены законом для сохранения общины”. В январе 1905 г., увидев подобные предложения, царь закрыл совещание. Однако через полтора года, когда по всей стране запылали пожары, он велел новому премьеру, П.А. Столыпину, претворить эти идеи в жизнь.

Поэтому второй этап аграрной реформы в России связан с именем Столыпина, который был призван предупредить революцию и укрепить экономику введением полноценной частной собственности на землю, ликвидацией общины и всех связанных с ней ограничений. Столыпин видел в качестве идеала выделение крестьян на хутора или отруба или же переселение в Сибирь на свободные земли.

Однако и эта реформа была ограниченной. Затрагивались только общинные земли, помещичьи оставались неприкосновенными. Продать землю крестьянин мог только лицам, приписанным к сельскому обществу, а заложить — только в Крестьянском банке. Скупка наделов бедняков ограничивалась минимальными наделами. И все же, несмотря на многочисленные ограничения, будь у Столыпина больше времени, он смог бы довести до конца аграрный переворот. Но не судьба: в 1911 г. он был убит.

Итоги столыпинской реформы были не столь уж ощутимы. В 1905 г. в европейской России было 12,3 млн крестьянских дворов, землей на общинном праве из них владели 9,5 млн (77,1%). Выделилось на личное владение до 1913 г. всего 2 млн дворов (1/6), причем процесс, шедший активно до 1908 г., затем стал угасать. В Сибирь уехало около 2 млн человек. В целом община устояла. Аграрный вопрос подвинули, но не решили. Энергия преобразования снова осталась втуне.

Тем не менее нельзя умалять значение реформы для развития сельского хозяйства. За эти годы на 30—50% повысилась урожайность, вдвое выросли крестьянские накопления. Подлинный подъем переживала кредитная кооперация: в 1906 г. она имела 1,7 тыс. учреждений с 704 тыс. членов, а в 1915 г. — 14,5 тыс. учреждений с 9,5 млн членов. На треть увеличилась доля хозяев, привлекавших наемный труд. Дело двигалось, но время

¹⁶ Витте С.Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 523, 526.

было упущено. В.П. Данилов, известный русский исследователь, считал, что будь аграрная реформа проведена на 20—25 лет раньше, когда ее задумывал Н.Х. Бунге, она могла бы существенно изменить ситуацию¹⁷, которая все более поворачивалась к революционному и притом разрушительному решению.

Накануне революции наиболее радикальную антифеодальную и демократическую программу решения аграрного вопроса предлагали эсеры: передача всей земли крестьянам, раздел помещичьих земель. Большевики присвоили эту программу, зная ее популярность среди крестьян. Но реализовывать в общем не собирались, что показало ближайшее будущее. Они были одержимы социалистической утопией.

1.4 Экономическая и финансовая политика

Теперь мы постараемся уяснить, какую роль в пореформенном развитии России, в разрешении противоречий между возможностями роста и отсталостью играла экономическая и финансовая политика, проводимая правительством.

При этом надо учитывать, во-первых, ограниченные возможности правительства. Хозяином был царь, который на-

значал и снимал министров по своему произволу, но мог не вмешиваться в дела вовсе и ни за что не нес ответственности. В этом смысле роль ЦК КПСС и генсека в советское время как бы продолжала традицию самодержавия.

Во-вторых, Россия была страной, управляемой бюрократически. Никакой самодеятельности не допускалось, даже если власти призывали к ней, как было после реформы с земством или крестьянским самоуправлением. Бюрократия вроде бы давала правительству самые широкие возможности, но и непременно извращала любые замыслы и указания в своих интересах.

В-третьих, важной проблемой пореформенного развития России было огромное несоответствие между имперскими амбициями и возможностями экономики. Напомним, что в 1815—1854 гг. Россия признавалась первой страной Европы по военной и политической силе. Подтачивавшие ее черви вылезли наружу только в Крымскую войну. Россия не просто потерпела поражение, она была оттеснена во второй ряд, ее отсталость и бессилие стали очевидны всем. Но весь аппарат империи исходил из того, что это лишь временное ослабление: недостатки устранимы, и свое место мы снова займем. И это при том, что в силу описанных выше обстоятельств на быстрое изменение положения рассчитывать было нечего. Мыслили прошлым. Об этом нам стоит вспомнить сегодня.

¹⁷ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Указ. соч. С. 269.

Все эти годы Россия проводила экспансионистскую внешнюю политику. Завоевание Средней Азии. Участие в балканских войнах против Турции с видами на овладение проливами. Экспансия на Дальнем Востоке, в Китае, включая закрепление в Маньчжурии, заканчивается Русско-японской войной. Все это, хотя и смотрелось уместным в контексте колониального раздела мира, еще происходившего в ту эпоху, требовало колоссального напряжения сил, больших расходов за счет увеличения налогообложения, содержания огромной по численности армии при нарастающем отставании ее технического оснащения.

В 1900 г. кадровая армия мирного времени составляла 1,1 млн человек плюс 3,5 млн человек — обученных резервов. Чтобы охарактеризовать оснащение вооруженных сил, можно привести годовые цифры расходов на военно-морское строительство: в 1897 г. Россия израсходовала на военный флот 60 млн руб., Великобритания — 206 млн, Франция — 99 млн, Япония — 150 млн руб.¹⁸

Тогда во всем мире развернулась невиданная ранее гонка вооружений, прежде всего через улучшение военной техники. Россия отставала, в том числе с заменой гладкоствольного стрелкового оружия и пушек на нарезные, заряжаемые с казенной части. В те годы складывался характерный облик российской армии XX в. — много плохо вооруженных и “дешевых” солдат, победы за счет солдат-

ских жизнью, поражения также с сотнями тысяч и миллионами жертв. Все это плата за отсталость.

При всех этих сложных условиях правительство России возглавлял ряд блестящих деятелей, ученых, проводивших разумную экономическую и финансовую политику, различную в зависимости от обстоятельств и взглядов того или иного деятеля, весьма поучительную для нас с точки зрения экономической политики в период перехода к рыночной экономике.

С 1862 по 1878 г. министром финансов, т.е. по нынешним понятиям главой кабинета, был *М.Х. Рейтерн*, убежденный либерал, сторонник, как тогда говорили, фритредерской политики. Его критиковали за то, что он избегал протекционизма, призванного поддержать слабую тогда отечественную промышленность, хотя применялись поощрительные госзаказы, например на закупку рельсов. Он сдерживал государственные расходы на промышленные и железнодорожные проекты, в 1862—1868 гг. бюджеты были дефицитны. Для их покрытия Рейтерн впервые выпустил внутренние государственные займы. Он же ввел публичность бюджетных росписей, принцип единства кассового исполнения бюджета.

При Рейтерне, в том числе на средства госзаймов, было построено 20 тыс. верст железных дорог при преобладании частных компаний, которым продавались и ранее построенные казенные дороги. Поощрялось развитие коммерческих банков, хотя

¹⁸ *Лященко П.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 212.

их чрезмерно быстрое учредительство привело к банковскому кризису в 1870-х гг. Тем не менее основы современной банковской системы были созданы.

С 1881 по 1887 г. министром финансов был упоминавшийся выше *Н.Х. Бунге*, видный ученый-экономист, либерал, сторонник хозяйственной свободы и конкуренции, но не монетарист в нынешних терминах. При нем были упорядочены и снижены налоги. Бюджеты же были постоянно дефицитны, началось увеличение доли государства в железнодорожном строительстве. Были введены протекционистские таможенные пошлины. В 1881 г. пошлины были повышены на 10%. Особой пользы, правда, это не принесло. В 1877—1880 гг. средняя тарифная ставка составляла 16,1%, в 1881—1884 гг. — 18,7, в 1885—1890 гг. — 28,3%¹⁹. Результатом были ответные меры других стран, например Германии, против русского экспорта.

Все же дефициты бюджета, эмиссия бумажных денег, привязанных к серебру, отрицательно сказывались на экономике. Именно в те годы М.Е. Салтыков-Щедрин писал: “Нынче за рубль в Европе дают половину, а скоро будут давать по морде”.

Следующий министр финансов *И.А. Вышнеградский*, выдающийся математик и инженер-механик, вынужден был стать монетаристом. Он добился устранения бюджетного дефицита, улучшил сбор налогов, содействовал росту экспорта. Ему принадлежит выражение: “не доедим, но вывезем”. Усиливался и

протекционизм, ведущий к сокращению импорта. Благодаря этому за пять лет при Вышнеградском положительное торговое сальдо составило 1535,8 млн руб. Увеличился золотой запас, позволивший затем осуществить денежную реформу.

Вышнеградского на посту министра финансов сменил *С.Ю. Витте*, выдающийся государственный деятель дореволюционной России, личность яркая и противоречивая. Выделим основные черты его политики:

- сбалансированный государственный бюджет с профицитом, обеспечивавший доверие к России на финансовых рынках;

- привлечение иностранных займов, использованных на военные цели, поощрение промышленности и железнодорожного строительства. За 1876—1913 гг. государственный долг вырос с 3,9 млн руб. до 8,8 млрд руб. Только в 1890-е гг. он увеличился на 3,5 млрд руб., в том числе на 2,5 млрд — за счет внутренних займов;

- формирование за счет займов, по сути, второго бюджета (что-то вроде бюджета развития в нынешних терминах);

- почти полное огосударствление железнодорожного транспорта и строительства;

- денежная реформа, переход на золотой стандарт, укрепление рубля. Это повлияло на ослабление позиций русского экспорта, который больше не мог выигрывать за счет падающего рубля (напомним, что экспорт был в основном

¹⁹ Лященко П.И. Указ. соч. Т. 1. С. 191.

зерновой), но одновременно повысилась инвестиционная привлекательность России. Госбанк стал единым эмиссионным центром, и кредитные билеты в обращении должны были быть обеспечены золотом на 50% до суммы в 600 млн руб., а свыше этой суммы — на 100%;

- продолжение аграрной реформы, которую осуществлял уже Столыпин.

Наконец, в 1905 г. С.Ю. Витте много сделал для подготовки и подписания Манифеста 17 октября, по сути, первой российской конституции.

П.А. Столыпин был последней яркой фигурой российского правительства, достойной наших скрытых возможностей. Л.Д. Троцкий признавал: если бы реформа Столыпина была завершена, «русский пролетариат не мог бы прийти к власти в 1917 г.»²⁰

Подведем итог. Накануне Первой мировой войны Россия быстро развивалась, но была страной, отсталой по сравнению

с передовыми странами Европы и США. Отсталость преодолевалась медленно из-за реакционности царизма, бюрократии, обремененности имперскими амбициями, а более всего из-за пережитков феодализма. Но Россия обладала огромным потенциалом развития, поскольку находилась в самом начале аграрно-индустриального перехода. Как был использован этот потенциал, показало время.

Тогда был в моде социализм, и многие были уверены в том, что он — сияющая перспектива человечества. Это была популистская утопия, противопоказанная России, которая на самом деле, как и сейчас, нуждалась в свободе, демократии, укреплении частной собственности и прав человека. Приближался момент выбора из этих альтернатив. Вступление России в войну резко понизило шансы демократического развития, а в октябре 1917 г. был сделан выбор в пользу социализма.

Рекомендуемая литература

Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 1, 2. М., 1954.

Попов Г.Х. Отмена крепостного права в России // Истоки. Вып. 2. М.: Экономика, 1990.

Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. М.: Весь мир, 2000.

Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии: 5-е изд. Пг.: Право, 1918.

Вишневский А.Г. Серп и рубль. М., 1998.

²⁰ Геллер М.Я., Некрич А.М. Указ. соч. Кн. 1. С. 12.

**Советская
социалистическая
экономика:
структура
и организация
функционирования**

Победа
государственной монополии

Иерархия и планирование

Реальное функционирование:
врожденные пороки

“Законы системы”

2.1 Победа государственной монополии

Перед Первой мировой войной у России было две основные альтернативы развития:

- либо устранение самодержавия (хотя бы до реальной конституционной монархии), радикальная аграрная реформа с целью ликвидации пережитков феодализма, использование энергии аграрно-индустриального перехода, развитие свободной рыночной экономики и демократии — и тогда, с весьма большой вероятностью, сокращение отставания от развитых индустриальных стран. А может, и опережение некоторых. Разумеется, этот вариант исключал участие России в войне;

- либо возбуждение масс вооруженных крестьян, насильственное, революционное разрешение накопившихся противоречий, выбор в соответствии с худшими национальными традициями авторитарного образа правления и варианта модернизации сверху. Война в новых условиях теряла свою ограниченность. Миллионные массы солдат, другие риски потери управления и политических изменений. В годы Первой мировой войны рухнули три империи.

До войны казалось, что Россия все более сворачивает на первый путь, только самодержавие не хотело уступать и сто-

лыпинские реформы стопорились. Война в корне поменяла ситуацию. Февральская революция стала последним проблеском надежды.

Но Россия не просто выбрала авторитаризм, она решила поставить на себе грандиозный эксперимент по строительству коммунизма.

Советская экономика, если использовать известную ленинскую формулу, по происхождению имела три источника и пять составных частей:

1) марксистскую доктрину, дополненную ленинским учением о том, что строительство социализма можно начинать в сравнительно отсталой стране;

2) войну, ибо реальные элементы того, что потом стало называться социалистической плановой экономикой, были рождены практикой военной экономики — рacionamento, регулирование производства, ограничение рынка. Советская экономика отроду была экономикой мобилизационной;

3) монополизацию, о чем подробнее мы поговорим ниже.

Советская плановая система возникла уже в годы гражданской войны 1918—1920 гг. Ее важные институты сохранились в годы нэпа. Но в законченном и целостном виде она сложилась в 1929—1933 гг. и функционировала без серьезных изменений до 1992 г. В том числе потому, что ее боялись тронуть: росло число сбоев.

Она была построена в соответствии с теоретическими представлениями марксизма-ленинизма с кое-какими поправками на жизненные реалии:

а) *государственная (общенародная) собственность на средства производства*. Формально наряду с ней существовала кооперативно-колхозная собственность, но при полном реальном контроле государства над ней;

б) *отрицание рынка и конкуренции* как чересчур затратных механизмов, рождавших неравенство. Замещение рыночного регулирования через цены планом. Суть плана в том, что в нем в натуре определялись задания и распределялись материальные ресурсы для их выполнения;

в) *государственное ценообразование практически на все виды продукции на основе издержек* (затратные цены). Эти цены становились основой стоимостных измерений, финансового учета и планирования;

г) *заработная плата была единственной денежной категорией*, которая оказывала влияние на движение реальных ресурсов (рабочей силы), поскольку этот ресурс не был прямым объектом натурального распределения. Это единственная уступка реальности против доктрины, сделанной после нэпа. Впрочем, члены номенклатуры и заключенные были теми составляющими трудовых ресурсов, которые по разным основаниям распределялись прямо, без опосредования движением денег;

д) *полная закрытость экономики*. Все внешние связи осуществлялись исключительно через государство, через его агентов.

Сложившаяся на этих принципах хозяйственная система оказалась уника-

льной в своем роде, хотя из СССР она с модификациями была экспортирована в другие социалистические страны. Уникальность ее состояла в том, что она полностью противостояла рыночной экономике, была несовместима с ней. Всякое усиление государственного планового управления вело к подавлению рыночных отношений, всякое развитие рыночных отношений или даже их сохранение подрывало плановые начала.

Тем не менее нельзя сказать, что эта система выросла на пустом месте, из одной лишь теоретической схемы. Сама теория основывалась на определенных тенденциях в развитии экономики и общественной жизни в основных индустриальных странах, имевших место в конце XIX в. — начале XX в. Суть этих тенденций — концентрация производства и капитала, возникновение и укрепление крупных монополий, достигавших размеров, которые позволяли им влиять на функционирование рыночных механизмов. Экстраполяция этих тенденций без учета нарастающего влияния противодействующих факторов приводила к мысли, что итог развития капитализма будет состоять в том, что монополии разрастутся до гигантских размеров, и когда их останется всего четыре-пять, они сольются в одну государственную монополию. Внутри этой монополии жизнь будет организована без участия рынка, наподобие управления крупной фабрикой.

Н.И. Бухарин в брошюре “Мировое хозяйство и империализм”, написанной в Швеции в 1915 г., выражал опасение,

что такое развитие событий сделает невозможной пролетарскую революцию. В.И. Ленин был “большим реалистом”, он считал, что при этом как раз и произойдет социалистическая революция, “экспроприаторов экспроприруют”, а социализм получит в наследство готовый и притом нерыночный механизм управления экономикой.

Тенденция определенно переломилась уже где-то после Второй мировой войны: стал складываться капитализм олигополии, рынков с несовершенной конкуренцией; доказал свою живучесть малый и средний бизнес.

В России, хотя она и была сравнительно отсталой страной, пришедшие к власти большевики решили “спрямить” прежнюю тенденцию. И социализм был построен в одной отдельно взятой стране.

Советская социалистическая система в сфере экономики как раз и представляла собой реализацию идеи единой государственной монополии. В монополии начала XX в. управление производством и обменом было построено на принципах рациональной организации. Эти принципы, по М. Веберу, таковы: 1) разделение труда, специализация, устранение параллелизма; 2) единоначалие; 3) иерархическая структура; 4) формализм, деперсонализация отношений; 5) применение санкций и поощрений. У нас эти принципы были реализованы в масштабе страны, без ссылок на автора.

Крайности со временем были сглажены. Вопреки марксистской теории

сохранились деньги и товарно-денежные отношения, хотя и с иным содержанием, главным образом для обслуживания населения, получавшего зарплату, пенсии, пособия и т.п.

2.2 Иерархия и планирование

Следует подчеркнуть: построение такой системы означало отказ от сетевой рыночной и демократической социальной организации и возврат к иерархической организации, сходной с феодальной. В каноническом виде иерархия управления экономикой строилась по следующей схеме (см. рис. 2.1). Наверху — правительство и рядом с ним Госплан, орган централизованного планирования. Под ними — отраслевые министерства, главки и предприятия, связанные по вертикали отношениями административного подчинения. Наряду с Госпланом функционировал Госснаб — орган, ответственный за организацию обмена продукцией материально-технического назначения, т.е. между предприятиями; Минторг осуществлял то же с потребительскими товарами. Министерство финансов и Госбанк отвечали за обеспечение хозяйства деньгами, как Госснаб — материальными ресурсами.

Существенная добавка к этой государственно-хозяйственной иерархии — иерархия партийная: ЦК КПСС, ЦК компартий союзных республик, обкомы, райкомы, первичные парторганизации.

Партийная иерархия была важнее государственной, ее властные полномочия — намного шире. Она командовала хозяйственной иерархией в центре. Но затем линии расходились: хозяйственное управление строилось по отраслевому принципу, партийное — по территориальному. Сходились они вновь на предприятии. Директором командовали, с одной стороны, обком и райком, с другой — главк и министерство.

Еще одно дополнение: все сказанное касается предприятий так называемого союзного подчинения — наиболее важных и крупных. Кроме того, существовали предприятия республиканского, областного, районного подчинения, целые отрасли, состоящие из таких предприятий. Для управления ими по аналогии с общей союзной схемой создавались советы министров союзных республик, облисполкомы и райисполкомы при местных советах как представительных органах. При распределении ресурсов в Госплане Союза правительства республик и облисполкомы выступали как “фондодержатели” наряду с союзными министерствами. Стройная система, обеспечивающая единство в многообразии. Мечта многих и сегодня — четкая вертикаль управления.

Теперь — как эта машина действовала.

Предприятие, чтобы производить продукцию, должно знать: какую продукцию производить и в каком количестве; как получить необходимые для производства материальные ресурсы и

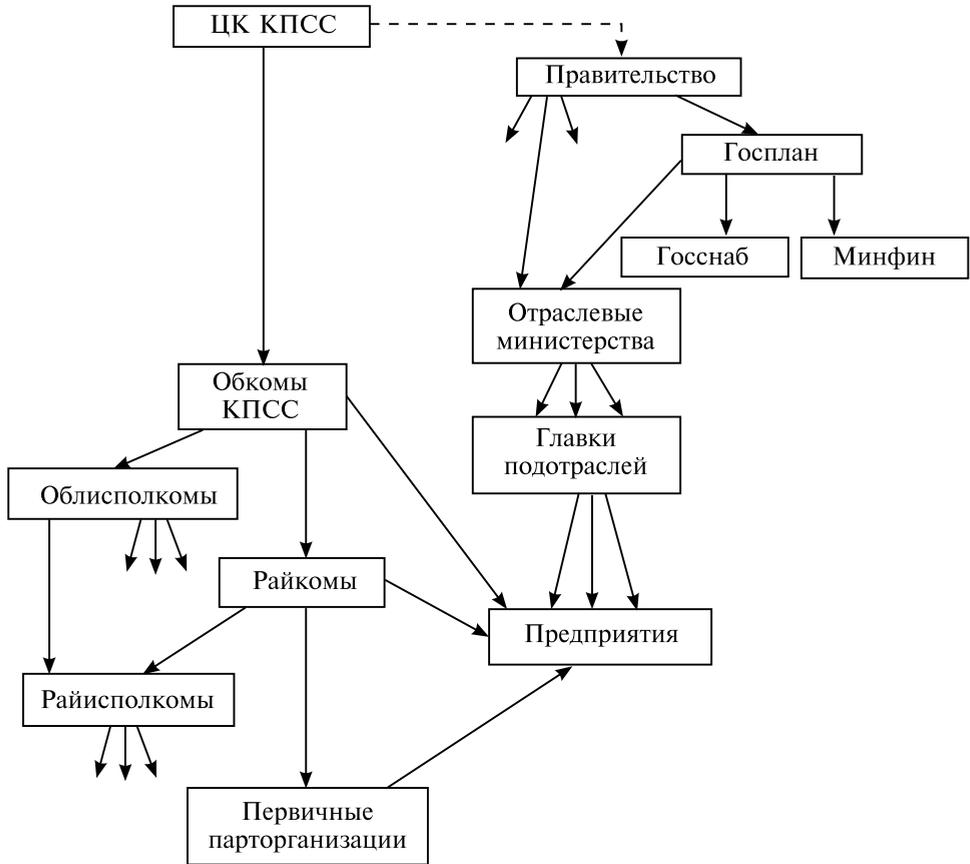

Рис. 2.1. Иерархическая структура управления советской экономикой (упрощенная схема)

оборудование; как получить деньги, необходимые для оплаты факторов производства, в том числе рабочей силы.

В рыночной экономике всю эту информацию предприятие добывает само, от рынка, и само принимает решения. В плановой экономике эта информация приходит по каналам описанной иерархии.

Из министерства через главки предприятия получали плановые задания, а также лимиты на материальные ресурсы и капитальные вложения. Вместе с показателями численности работников и оплаты труда, а также финансовыми показателями они образовывали костяк плана предприятия. Из Госснаба через

его территориальные управления приносили фонды (фондовые извещения на материальные ресурсы) и, главное, наряды — указания о том, у кого следует получить те или иные материальные ресурсы, когда и в каком количестве, а также (в других нарядах) о том, куда, когда и в каких количествах поставить произведенную продукцию. Таким был основной контур планирования — натуральные показатели.

Поскольку в чистом виде такая схема делала работу министерств, плановых и снабженческих органов непосильной, в жизни она несколько трансформировалась: сначала доводились лишь контрольные цифры, отталкиваясь от них, предприятия сами готовили проекты собственных планов и заявки на материальные ресурсы и направляли их по инстанциям вверх. Там их сводили и направляли еще выше. Конечный пункт всей этой информации, уже агрегированной, — Госплан.

В работе Госплана ключевым документом были материальные балансы. В них сводились источники ресурсов (объемы производства плюс импорт) и их распределение (фонды на материальные ресурсы, определявшиеся на основе заявок, плюс экспорт).

Материальные балансы утрясались до равенства ресурсов и их источников, и из балансов уже исходили задания по производству и лимиты распределения. Они затем разукрупнялись в министерствах и доводились до предприятий.

Поскольку один Госплан не мог справиться со всем многообразием продукции, он брал на себя только важнейшие ее виды (около 2 тыс. балансов). А еще около 20 тыс. балансов разрабатывал Госснаб, и он же, принимая и госплановские балансы, через свои союзглавнабсбыты, отвечавшие за группы продукции производил по ним разнарядку, т.е. выписывал наряды. Они-то и были заключительным результатом планирования. В них указывалось, от кого, кому, какую продукцию, в какие сроки и в каком количестве следовало получить, потребитель прикреплялся к поставщику. Уже на основании нарядов они между собой заключали хозяйственные договоры, которые существенной роли не играли.

В итоге предприятия получали утвержденный план в натуре. Поскольку слишком часто осуществлять всю эту громоздкую процедуру было невозможно, ее проводили в полном объеме один раз в год. Поэтому вся работа народного хозяйства подчинялась годовому циклу по формуле “спячка — раскачка — горячка”. Конец года — штурмовщина.

Особо следует сказать о финансовом планировании. Оно было полностью подчинено планированию натуральному и осуществлялось примерно по той же процедуре. В проекте своего плана предприятия отражали показатели валовой и товарной продукции (натура, помноженная на прейскурантные цены), фонда заработной платы, себестоимости, прибыли, а также предложения по ее распределению в

бюджет, отчисления министерству, фонд предприятия, а позднее, с косыгинских реформ, с 1965 г., — фонды стимулирования (фонд материального поощрения, фонд развития, включавший расходы на инвестиции и НИОКР, фонд социального развития). Здесь же фиксировались заявки на пополнение оборотных средств и на кредиты банка.

Пройдя по вертикали до верха, финансовые показатели проектов планов сводились в ряде финансовых балансов, в том числе в финансовом балансе государства (по существу, балансе госсектора), бюджете, балансе денежных доходов и расходов населения, кредитном и кассовом планах. Последний отражал движение наличных денег. Затем после увязки, сопровождавшейся урезанием расходов и увеличением доходов, начинался путь вниз. Что существенно, государство формально распоряжалось всей прибылью предприятий, в их финансовых планах отражалось, сколько у них заберут средств, а сколько дадут или позволят потратить.

Налоговой системы, по существу, не было. Ведущими статьями в бюджете были отчисления от прибыли, определяемые индивидуально в абсолютной сумме для каждого предприятия, и налог с оборота. Последний взимался при реализации конечной продукции за пределы госсектора, в основном населению. Его экономической базой была разница между оптовыми ценами, по которым велись расчеты между предприятиями и которые были всегда занижены про-

тив потенциальных цен равновесия или стоимости (аналог можно видеть во внутрифирменных расчетных ценах), и розничными ценами, которые по необходимости должны были приближаться к ценам равновесия. Таким образом, для плановой экономики была характерна так называемая двухуровневая система цен.

Предприятия находились на хозрасчете. Это означало, что в принципе все свои расходы они обязаны были покрывать за счет собственных доходов. Но если у них был избыток средств, он изымался; если были убытки, они покрывались дотациями. Государство следило за тем, чтобы убытков было поменьше, планировались показатели снижения себестоимости или затрат на 1 руб. товарной продукции. Но планомерно-убыточные предприятия были всегда, и это считалось нормальным, ибо в ходу было понятие “высшей рентабельности”, введенное еще И. Сталиным. Оно предполагало наличие высших политических интересов, исходя из которых убыточные производства подерживались независимо от экономической эффективности.

Такова общая, грубо прорисованная схема. Можно было бы добавить множество деталей, проследить именно на конкретном уровне эволюцию системы. Но сейчас эти детали, прежде бывшие предметом ожесточенных дискуссий и казавшиеся способными повысить жизнеспособность системы, уже никому не интересны. Для наших целей описанной схемы достаточно. Если возникнет потребность по ходу изложения, то при

изложении будем делать необходимые уточнения.

Описанная схема дает представление о формальной структуре системы, о том, как она была устроена и должна была работать. Как она работала на самом деле, какие возникали отклонения от нормативного порядка — это как раз то, чем мы займемся далее.

2.3 Реальное функционирование: врожденные пороки

Пока система находилась в фазе становления, у ее конструкторов могла быть и была уверенность, что многочисленные недочеты — явление временное, продвинуемое самим процессом становления и роста. Со временем должна была произойти притирка всех звеньев, достижение их внутренней согласованности и сбалансированности. Так оно отчасти и происходило.

Период становления пришелся в основном на конец 1920-х гг. и первую половину 1930-х гг., и это был период своеобразного планового романтизма, творческого взлета, по крайней мере для тех, кто непосредственно занимался конструированием социалистического планового хозяйства. Их ощущения и настроения, пожалуй, диктовались сознанием, что они строят действительно новый мир, социализм как мечту челове-

чества, который начинается здесь и сейчас. Ж. Ролан приписывает сторонникам “вашингтонского консенсуса”, либералам склонность к социальной инженерии [Ролан, 2012, с. 476]. Не скажу про либералов, но про первых плановиков это точно можно сказать.

Однако уже к 1935—1936 гг. должно было стать очевидным, что многие недостатки системы носят далеко не временный характер, а являются ее врожденными пороками. До поры до времени этого не замечали или старались не замечать. Но уже в 1939 г. на XVIII партконференции зазвучали голоса тех, кто эти пороки впервые назвал. Конечно, тогда нельзя было говорить о них прямо, особенно с официальной трибуны. Никто и не пытался сомневаться относительно принципиального выбора. Тем не менее это недостатки, о которых говорили, и многие из них относились к разряду неустраняемых.

Каковы же эти недостатки?

1. Система оказалась *весьма громоздкой в административном плане*. Во всякой большой монополии, в которой управление строго централизовано, рано или поздно проявляется недостаток гибкости и мобильности, а также избыток неповоротливости. На Западе такие монополии либо терпели поражение в конкурентной борьбе, либо старались приспособиться, соглашаясь на далеко идущую децентрализацию, предоставляя своим отделениям (центрам прибыли) возможность практически самостоятельно действовать на рынке,

поощряя внутреннее предпринимательство (intrapreneurship).

Но западные монополии, в отличие от советской государственной монополии, всегда работали в рыночной среде, и как бы они ни искажали функционирование рыночных механизмов, в конечном счете эти механизмы оказывались сильнее и заставляли монополистические структуры перестраиваться. Кроме того, их отделения, получив самостоятельность, оказывались в нормальных рыночных условиях, иной раз даже конкурируя между собой.

Иное дело — советская государственная монополия. По масштабам она была несравненно больше любой капиталистической монополии. Она не испытывала никаких воздействий со стороны рынка. И когда с течением времени появлялась мысль предоставить большую самостоятельность предприятиям, они не могли ею толком воспользоваться.

Достаточно вспомнить эпизод с фондами развития производства, которые предприятиям разрешили образовывать в ходе косыгинской реформы 1965 г. Через какое-то время выяснилось, что деньги в фонд развития перечислить можно, но инвестировать их нельзя, поскольку приобрести, скажем, оборудование предприятия могли, лишь получив соответствующие материальные фонды и наряды. Иначе говоря, только в том случае, если бы эти деньги были учтены в плане и под них выделили необходимые материальные ресурсы. А просто купить,

как сделало бы отделение “Дженерал моторс” или “Шелл”, нельзя. Поэтому по прошествии какого-то времени по инициативе самих предприятий средства из фондов развития стали передавать в вышестоящие инстанции, чтобы включить их в план. На этом новации закончились. Логика системы отвергала самостоятельность предприятий, сколько бы последняя ни декларировалась.

Сами по себе процессы формирования планов, определения директивных заданий, распределения ресурсов при своей принципиальной простоте из-за огромного разнообразия видов продукции оказывались предельно сложными. Избежать ошибок, запаздываний, несогласований становилось практически невозможно даже при самом искреннем желании сделать все наилучшим образом. Сплошь и рядом задания давались без выделения необходимых ресурсов. Балансы достигались на бумаге, а в жизни все получалось иначе. В течение всего года продолжались в связи с этим корректировки планов, которые в конце концов подстраивались под фактическое выполнение. Как-то на одном из предприятий я столкнулся со следующим документом из министерства: сообщаем плановые показатели для составления годового отчета. Это, понятно, дискредитировало саму идею планирования.

Гигантская машина прокручивалась с колоссальным напряжением, и чем дальше, тем больше нарастали напряжение, трудности, ошибки.

Когда появилась электронно-вычислительная техника и возможность выполнения с большой скоростью огромного объема расчетов, родилась идея, что наконец плановая система обрела адекватную техническую базу. Стали разрабатываться автоматизированная система плановых расчетов (АСПР) для Госплана, АСУ министерств и ведомств, которые потом планировалось интегрировать в единую общегосударственную систему.

Для оптимизации плановых расчетов пытались создать систему оптимального планирования, а потом оптимального функционирования (СОФЭ) с использованием моделей линейного и динамического программирования. Обнаружились, правда, трудности: никак не удавалось, например, построить единый критерий оптимальности. Центральный экономико-математический институт (ЦЭМИ) АН СССР, который был создан для решения этой задачи, торопили с разработкой СОФЭ. А в это время ученые этого института, например В.А. Волконский, показывали на научных семинарах, что модель линейного программирования есть частный случай теории рыночного равновесия. Из этого следовало, что рыночный механизм все равно лучше. На одном из таких семинаров для меня кончились иллюзии относительно перспектив планового хозяйства.

2. Система была лишена внутренних стимулов, которые побуждали бы к росту эффективности и к лучшей координации.

Первое время, пока правил Сталин, ведущим мотивом эффективной работы был страх. Репрессии оказались органически необходимым элементом системы, поддерживающим дисциплину и авторитет власти центра и заставляющим работать с высокой отдачей.

Первое время, видимо, был и энтузиазм: многие разделяли цели партии и государства, и это отчасти тоже было стимулом, действенность которого, однако, становилась все меньше. Было и несколько медленней таявшее чувство гражданского долга.

Применялись и так называемые материальные стимулы — премии, награ-

ды, продвижения по службе. Политика кнута и пряника использовалась повсюду. По степени изощренности советские системы материального стимулирования, пожалуй, были первыми в мире. И это естественно, ибо львиная доля интеллектуальных усилий лучших экономистов страны направлялась на их разработку и усовершенствование. Однако это не помогло поднять качество продукции до уровня конкурентоспособности, повысить эффективность производства, продвигать инновации.

Материальные стимулы особенно оказались в моде после XX съезда КПСС, когда прекратились репрессии. Но чем дальше, тем все более становилось ясно, что создаваемые этой системой искусственные, или, как говорят, внешние, стимулы не смогут заменить ни мотивы

страха, ни внутренние стимулы, возникающие и у человека, и у организации при частной собственности, в условиях рынка и конкурентной борьбы.

Отказ от репрессий стал отправной точкой постепенной эволюции системы в сторону ее ослабления, размягчения, за которыми рано или поздно должны были последовать рыночные реформы.

Эволюция системы, лишенной постоянно нависающего над чиновниками дамоклова меча и внутренних побудительных мотивов эффективной деятельности, состояла в том, что в ней все больше стали усиливаться ведомственные, местные, групповые интересы.

По самой своей конструкции система предполагала власть бюрократии. Высший слой партийной, советской, хозяйственной бюрократии с легкой руки М. Восленского¹ получил наименование “номенклатура”, М. Джилас обозвал ее новым правящим классом.

Кроме того что бюрократия в целом, и особенно номенклатура, получала определенные привилегии в виде пайков, медицинского и транспортного обслуживания, отдыха, внеочередного предоставления жилья, она также все больше использовала свое служебное положение в личных целях. Собственные полномочия, пусть даже обязанность визирования тех или иных документов, чиновники стали использовать как своего рода товар. Образовался, по терминологии Е.Т. Гайдара, В.А. Найшуля и С.Г. Кордонского,

бюрократический рынок, на котором обменивались не товарами, а титулами ответственности за принятие решений — “ты — мне, я — тебе”. Как говорили еще до войны, “блат выше Совнаркома”. А блат — это и есть сеть неформальных связей между членами бюрократического сообщества; между теми, кто что-то мог и использовал свои возможности, вытекающие из позиции в иерархической структуре, для оказания услуг другим, также обладающим подобными возможностями, в расчете на их услуги.

Бюрократия неоднородна. В ней также образовывались группы, борющиеся за увеличение поля своего влияния, старавшиеся заблокировать расширение полей влияния других групп. Достигались компромиссы, договаривались о том, с кем и против кого дружить. Хотя все клялись в верности общенародным интересам, именно эти интересы блокировались прежде всего. Объективно только высшие лидеры, стоявшие на вершине иерархии, кроме укрепления своей власти, были как-то заинтересованы в соблюдении интересов государства. Но их решения, постановления ЦК КПСС и правительства все чаще не выполнялись или выполнялись только в части, направленной на удовлетворение потребностей бюрократии.

Борьба групповых интересов, бюрократический торг как ржавчина разъедали всю систему власти, на которой зиждилось управление экономикой.

¹ *Восленский М.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

3. Органическим свойством советской социалистической экономики стал *товарный дефицит*. Его неизбежность легко объясняется теоретически, а практика полностью подтвердила теорию. Сам факт отсутствия равновесных цен должен приводить к возникновению дефицита одних товаров при избытке других. Не действуют и ценовые сигналы, побуждающие производителей увеличивать выпуск товаров, пользующихся спросом, и сокращать выпуск тех, на которые спрос недостаточен, чтобы оправдать издержки. Пропорции производства формируются не структурой спроса, а плановыми заданиями. Отсюда неизбежность накопления структурных деформаций в экономике, поскольку плановые задания, как правило, не согласуются со спросом. Последний при малоподвижных государственных ценах вообще не может быть выявлен.

На это накладываются результаты применения охарактеризованной выше процедуры согласования объемов производства и заявленных потребностей. Опыт показал производителям, что если цена не создает стимулов, а начальство требует увеличения физических объемов выпуска, то в проектах планов выпуски надо занижать: менее напряженный план легче выполнить, а при небольшом перевыполнении можно получить положенное материальное поощрение. Точно так же заявки на материальные ресурсы и финансовые средства надо за-

вышать: все равно урежут. В советское время был популярен анекдот о трехгорбом верблюде, который был не заказан, а “заявлен” одним из зоопарков. На вопрос о том, зачем заявляли трехгорбого, представитель зоопарка ответил: “А два горба все равно срежут”.

Я. Корнаи в фундаментальном и весьма популярном в свое время исследовании дефицита² объяснял его прежде всего так называемыми мягкими бюджетными ограничениями, т.е. тем, что руководители предприятий распоряжались не принадлежащими им ресурсами, а в бюрократической системе всегда можно было договориться о смягчении ограничений, о корректировке “промфинпланов”. Это выраженная иными словами мысль об отсутствии в системе внутренних стимулов с попыткой заменить их жесткой бюрократической субординацией.

В Госплане же ломали голову над тем, как свести концы с концами в балансах, если, скажем, заявки на ресурсы в 3—4 раза превышали доступные объемы этих ресурсов. В итоге доводились нереальные планы производства, фонды отоваривались не полностью. Спрашивается, как в такой системе может не быть дефицита?

Особый разговор о потребительских товарах. Фонды на них также разверстывались через Минторг и, конечно, не соответствовали спросу ни по ассортименту, ни по качеству, ни по количеству. Зарплаты же, пенсии, пособия планировались в

² Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

предположении о таком, пусть примерном, соответствии. И хотя составлялись балансы доходов и расходов населения, все равно оказывалось, что денежные доходы росли быстрее и с каждым годом увеличивался инфляционный навес. Отчасти его впитывали сберкассы, стягивая в сбережения неудовлетворенный, отложенный потребительский спрос. Но все равно граждане с рублями носились по магазинам и, даже делая нерациональные расходы, скупая все, что когда-нибудь могло пригодиться, не могли найти применения рублям.

Товарный дефицит создавал в обществе весьма специфическую социальную обстановку: люди, имевшие доступ к дефицитным товарам, например работники торговли, приобретали особый социальный статус, вовсе не соответствовавший их положению в формальной административной и социальной иерархии. Они обеспечивали дефицитом начальство, в том числе партийное, советское, милицию, прокуратуру и, разумеется, себя, оказываясь “нужными и важными людьми”. Напомню очень популярный в свое время сюжет А. Райкина: если исчезнет дефицит, то станет не совсем хорошо: “товаровед, завмаг будут как простой инженер”.

Возможности доступа к дефицитным потребительским товарам — от хорошего куска мяса, импортной кофточки до квартиры — были едва ли не самым ценным благом, отношения по этому поводу понижывали всю социальную структуру советского общества. Самое важное — они влияли на государственные решения, на

всю картину распределения ресурсов. За прием в институт дочери важного госплановского чиновника можно было получить государственные капитальные вложения для сооружения никому не нужного объекта.

4. Столь же органичным дополнением к формальной планово-распределительной системе была *теневая экономика*. Дефицит был важнейшим фактором, питающим ее.

Сейчас возмущаются разгулом преступности и массовостью правонарушений в экономической сфере, но надо учитывать, что эти явления выросли не на пустом месте — корни их в советской теневой экономике, вырвавшейся на свободу.

Прежде всего потребовалось не так много времени, чтобы стало ясно: если в этой системе все делать по правилам, то она сама скоро погибнет, а жить в ней будет просто невозможно. Только потому, что десятки и сотни тысяч людей ради интересов дела каждодневно нарушали правила, осуществлялось производство, в магазинах появлялись хлеб и другие продукты, ходили трамваи и автобусы, в домах были свет и тепло.

Возьмем обычный случай: на предприятии вовремя не “заявили” или вышестоящие инстанции не выделили в нужном количестве какой-то материал. По правилам купить его нельзя. Производство из-за мелочи оказывается под угрозой остановки или в лучшем случае резкого удорожания продукта, если данный материал заменить на другой и

потратить средства на дополнительную обработку. В подобных случаях снабженец снимает телефонную трубку и связывается с заводом, где производится данный материал. Торговать нельзя, но обменяться можно. Коллега спрашивает: а что у тебя есть? Лучше всего, если в резерве есть ходовой товар, уже приобретенный общую меновую ценность, — цемент, оконное стекло, кабель и т.д.

Бартер родился не вчера. Десятилетиями в обход Госплана и Госснаба под аккомпанемент грозных постановлений об укреплении государственной дисциплины поставок между предприятиями существовал и развивался нелегальный натуральный обмен, при котором фонды и наряды либо не появлялись вовсе, либо

оформлялись задним числом для прикрытия. Об этом знали все, и все делали вид, будто ничего подобного не существует.

В сфере оплаты труда были жесткие правила: государственные тарифные ставки, умноженные на отработанное время, при повременной оплате; расценки по видам работ, умноженные на объем работ, при оплате сдельной — должны были определять объем заработка. Но если считать по правилам, то оплата получалась столь мизерная, что и прожить на нее нельзя, и работать бы никто не согласился. Реально существовала как бы квазирыночная цена рабочей силы. Соответствующую заработную плату надо было “вывести”, приписывая объемы работ или идя на иные ухищрения.

Очень яркие мои впечатления от советской социалистической системы относятся к первым годам работы после окончания инженерно-строительного института. 1958 г. Я мастер на строительстве моста. Приходит время первый раз “закрывать наряды”, т.е. подсчитывать заработки. Беру ЕНиР (единые нормы и расценки), объемы выполненных работ. Результаты подсчетов ужасны: получаются смешные суммы, в 5–6 раз меньше того, что рабочие получали до сих пор. Бегу к прорабу. Он смотрит на меня снисходительно: чему вас только в институте учили. “Выводить” надо приличные суммы, т.е. завышать объемы.

С воодушевлением неофита приступаю к делу. Зарплата получается не хуже, чем прежде, но в конце месяца появляется нормировщик из треста: “Ты что, обалдел?! Рисуешь установку опалубки на опоре моста высотой 12 м. А она по проекту 6 м. Будем штрафовать”.

Но все обошлось. Я придумал какое-то вполне бессмысленное изобретение, меня премировали за него в сумме штрафа. А прораб учил: “Объемы писать надо такие, которые нельзя перемерить. Например, перевозку мусора по стройплощадке или намыв песка гидромонитором”.

Такие были “университеты”.

Но, конечно, главной сферой теневой экономики были торговля и производство товаров широкого потребления. Припрятать дефицитный товар и продать его с приплатой в свою пользу — самый массовый случай. Отдать оброк завмагу (завмаг — торговому начальству повыше) — значит в другой раз получить больше дефицитных фондов и еще больше увеличить левые заработки.

Пересортица, реализация левого товара, не учтенного в бухгалтерских книгах, подпольное производство, в том числе на государственных фабриках, — огромное многообразие способов получения теневых доходов описано в обильной литературе, посвященной подвигам милиции и ОБХСС (отделы борьбы с хищениями социалистической собственности — для тех, кто не знает или забыл). Понятно, что вся эта теневая экономика была связана с организованной преступностью, так как на защиту закона рассчитывать не могла (в основном только на попустительство или соучастие со стороны правоохранительных органов), а в защите, в гарантиях от высоких рисков нуждалась.

Объемы теневой экономики в советское время количественно оценить трудно, практически невозможно. Но если учесть бесчисленные ограничения, делающие любую частную торговлю спекуляцией, валютные операции — преступлением, наказуемым смертной казнью, и т.п., то можно утверждать: чем больше ограничений, тем больше объем теневой экономики. Моя экспертная оценка, относящаяся к началу перестрой-

ки, — не менее 10—15% ВВП. Теневая экономика — это система неформальных институтов, порожденных плановым хозяйством и зачастую переживших его.

5. *Накопление структурных деформаций и неэффективности* стало фактором, постоянно сопровождавшим функционирование системы в течение всей ее жизни.

Названные выше пороки плюс отключение рыночных регуляторов плюс закрытие экономики обусловили быстрое нарастание своего рода атеросклероза системы. Капитализм, который “по теории” вот-вот должен был погибнуть и временами казался дряхлым старцем рядом с молодым и нахальным социалистическим соперником, раз за разом обнаруживал новые жизненные силы, способность к обновлению и прогрессу, особенно после Второй мировой войны. А вот социалистическая плановая экономика, поначалу “рванув как на пятьсот”, уже в возрасте 30 лет стала проявлять нарастающие симптомы вырождения и упадка.

Рыночный механизм работает таким образом, что даже если образуются диспропорции в экономике, производство отрывается от реального спроса, то циклический кризис приводит все в соответствие, давая одновременно толчок росту эффективности. В последние десятилетия благодаря улучшению макроэкономического регулирования бывшие циклические кризисы практически не случаются, но рыночные регуляторы действуют в целом исправно.

В СССР с конца 1920-х гг. циклический кризис как способ приведения в соответствие структуры производства структуре спроса не случался ни разу. В то же время разрыв между структурой производства и спросом, между внутренними и внешними показателями эффективности все нарастал³. План, который, казалось бы, должен был заменить эту функцию рыночного механизма, категорически с нею не справлялся.

Стоит отметить, что плановая экономика с годами все больше утрачивала способность к крупным структурным сдвигам. Начав с масштабной индустриализации, в качестве последних примеров она смогла продемонстрировать только программы жилищного строительства и химизации при Н.С. Хрущеве, а также инициированный при нем же рывок в развитии нефтегазовой промышленности.

Правилом же было планирование от достигнутого уровня. Это означало, что все сложившиеся пропорции с не-

большими коррективами переносились в будущее. Только более или менее экстравагантные идеи руководителей типа внедрения кукурузы (Н.С. Хрущев), строительства АвтоВАЗа (А.Н. Косыгин) подвигали Госплан на то, чтобы закладывать в план значимые структурные сдвиги. И для этого были свои основания. Как отмечалось, всякие изменения в структуре влекли за собой возникновение кучи диспропорций, уловить которые чисто счетно было крайне трудно, объем плановой работы должен был возрасти в несколько раз. Между тем уверенности в эффективности, в гарантированности положительных результатов не было, особенно если речь шла о принципиальных нововведениях. Приходилось оглядываться на Запад: и кукуруза, и химизация, и автомобилизация были подсмотрены там, когда их выгодность уже была доказана зарубежным опытом. Понятно, что делалось все это с колоссальными запаздываниями.

В то время рассказывали анекдот о богатом западном поклоннике коммунизма, которого долго возили по стране, показывая “зримые черты светлого будущего”, всячески ублажали, а затем стали расспрашивать о впечатлениях. Гость сказал:

— У вас все очень хорошо, и я окончательно убедился в неизбежной грядущей победе коммунизма. Но у меня просьба: когда вы победите в мировом масштабе, оставьте одну капиталистическую страну.

— Зачем?

— А иначе откуда вы будете знать, что делать дальше.

³ Если дисбалансам позволяют накапливаться долго, их устранение очень болезненно (*Kardosor E., Levy S. Mexico. The Open Economy. Oxford, 1988. P. 361—362. Цит. по: Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М., 1997. С. 87).*

Впрочем, планирование и не считало своей первоочередной задачей учитывать спрос. Оно в значительной мере само создавало его. Прежде всего спрос военный.

Милитаризация — одна из главных характеристик советской экономики, сложившаяся под влиянием имперских амбиций, убеждения политического руководства в необходимости поддерживать равенство вооруженных сил двух блоков, внутривнутриполитической выгоды противостояния и постоянной мобилизационной готовности общества.

По разным оценкам, военное производство с учетом сопряженных отраслей составляло от 40 до 60% ВВП. Точнее сказать трудно, причем не только из-за секретности, но в еще большей степени из-за произвольности цен. Цены на потребительские товары были относительно завышены, тогда как военная техника стоила сравнительно дешево. Кроме того, обеспеченность материальными ресурсами военного и гражданского производства была несопоставима. Исследованиями Е.А. Роговского было показано, что если в начале 1980-х гг. по потребительским товарам рубль стоил не более 20 центов, то по вооружениям и военной технике паритет покупательной способности составлял 4,2 доллара.

Так или иначе, но, поглощая львиную долю лучших ресурсов, военная промышленность избавляла планирование от большей части забот по изучению спроса. Правда, только в этом секторе могли создаваться продукты высоких

технологий, способные конкурировать с западными образцами, в том числе гражданского применения — самолеты, атомная энергетика, космос. Созданный в свое время задел позволяет России до сих пор держаться в лидерах мирового рынка вооружений.

Но ясно также и то, что в целом это не усиливало, а ослабляло экономику, истощало национальные ресурсы. Имея несравненно более сильную экономику, США из-за огромных военных расходов в какой-то период оказались вынуждены уступать в конкурентной борьбе Японии и Европе. Что же говорить об экономике СССР, которая, как стало ясно всем к началу 1980-х гг., больше не могла нести бремя гонки вооружений. Угроза “звездных войн” и неспособность противостоять новым вызовам заставили серьезно заговорить о необходимости экономических реформ даже военных и разведчиков.

Утяжеленная структура экономики, состоящая в *преобладании тяжелой промышленности, сырьевых, так называемых базовых, отраслей*, — также специфическая особенность плановой экономики. Начиналось с теоретических положений о создании фундамента современной индустрии, с так называемого закона опережающего роста первого подразделения общественного производства. Но в конечном счете сами закономерности социалистической экономики толкали к этому. Отсутствие внутренних стимулов обусловило низкую эффективность использования первичных ресурсов.

По энергоемкости, материалоемкости национального продукта СССР прочно занимал первые места в мире. И хотя были плановые задания по росту производительности труда, снижению себестоимости, экономии энергии и создавались стимулы, по показателям эффективности мы все больше отставали от развитых капиталистических стран.

Кроме того, громоздкость административной машины и постоянный товарный дефицит объективно непрерывно подталкивали к упрощению номенклатуры планируемой и производимой продукции, к обеднению ассортимента. Конечно, осваивались новые изделия и материалы, по этому поводу также доводились планы и стимулы. Но это было как бы движением против течения, против основной тенденции, рождаемой внутренними законами системы.

А отсюда опять же повышенный расход сырья и материалов, обусловленный необходимостью для конструкторов и производственников выбирать “из того, что есть”. В итоге повышенный расход первичных ресурсов приходилось покрывать увеличением объемов их производства.

Складывалась типичная картина “производства ради производства”. В.И. Ленин когда-то за это критиковал капитализм, но последнему даже не снилось, до какой степени социализм его обгонит на этом поприще. М.Я. Лемешев, известный эколог, говорил еще

в 1970-е гг.: “Мы добываем железную руду, чтобы делать экскаваторы, мы делаем экскаваторы, чтобы добывать железную руду. А из этого круга мало что выходит”.

Естественно, доля базовых отраслей в экономике была чересчур высока, а энергия, которая в них затрачивалась, в значительной мере уходила в воздух.

И при всем том не происходило никакого естественного отбора: тот, кто работал неэффективно, мог не беспокоиться за будущее, его вечно кормили бы за счет тех, кто больше старался. Если не людям, то предприятиям как бы гарантировалась вечная жизнь. Но беда в том, что тех, кто старался работать более эффективно, становилось все меньше и меньше.

2.4 “Законы системы”

В 1990 г. в сборнике “Не смей командовать!” под редакцией Н.Я. Петракова я опубликовал “Трактат об административной системе”⁴. В нем была принята попытка сформулировать в шутливо-публицистической манере, в виде бывших тогда в ходу пословиц и поговорок, основные законы административной, как тогда говорили с легкой руки Г.Х. Попова, или планово-распределительной, системы хозяйства. Может быть, в такой форме суть этой системы раскрыть проще?

⁴ Не смей командовать! / под ред. Н.Я. Петракова. М.: Экономика, 1990.

Общее — значит ничье. Это закон социалистической общенародной, значит, государственной собственности. Она порождает огромную концентрацию экономической власти, не имеющую прецедентов в истории. Но с другой стороны — бессилие; незаинтересованность человека, на которого направлены приказы, выполнить их иначе как под страхом репрессий; бесхозяйственность, отсутствие дисциплины, вороватость. Даже и не вороватость. Типичная фигура — несун. Это не вор, он не ворует, он уносит то, что принадлежит государству, т.е. ничье.

Дать меньше, получить больше (закон дефицита). Если вам спускают задание — сколько чего делать и лимиты ресурсов, выделяемые для этого, причем цены неизменны, а бюджетные ограничения слабы, то самый естественный способ облегчить себе жизнь состоит в том, чтобы получать задания пониже, а ресурсов — побольше. Но тогда и баланс непременно будет сводиться с дефицитом.

Я — начальник, ты — дурак. Это закон бюрократической иерархии. Главное отношение, клеточка системы — субординация, подчинение. Воля начальника выше закона, она и есть закон. Бюрократия — власть без ответственности. Вся ответственность при советском социализме — от страха перед наказаниями и репрессиями. Но всех не проконтролируешь и не накажешь.

Бывший первый секретарь Ивановского обкома КПСС, министр легкой промышленности СССР В.Г. Ключев отказался критиковать правительство со словами: “надо знать размер своей шляпы”, это кодекс чести бюрократа. Не выходить за границы, не допускать своеволия подчиненных. Инициатива наказуема.

Шея вертит головой — принцип, дополняющий предыдущий. Суть в том, что бюрократия — власть аппарата, власть тихая и послушная, но умеющая направлять начальство — источник власти. Начальник думает, что решает. А исполняется лишь то, что выгодно аппарату. У него для этого три главных приема: 1) инструкция, подзаконный акт, где закон толкуется в угоду ведомству; 2) внесение в тексты решений недомолвок и двусмысленностей, так называемых “форточек”, оставляющих поле для трактовок; 3) перегиб, т.е. такое рьяное выполнение решений, что дураком выглядит начальство.

Ты — мне, я — тебе. Речь не об акте обмена товарами, это обычная операция на рынке. Речь об отношении, свойственном обществу всеобщего дефицита. Оно действует только в кругу тех, кто имеет к нему доступ, и состоит в оказании дружеских услуг, без денег и видимой корысти, но в расчете на взаимность. Это закон теневой экономики еще в советском исполнении, которая для планово-распределительной системы была органическим дополнением. Без нее жить было бы невозможно.

Этот закон просто необходимое следствие тех, что сформулированы выше. Государственная собственность, дефицит, бюрократия делают теневую экономику неизбежной.

“Всеобщая электрификация”: **всем все до лампочки.** Это итог, возврат к исходной позиции, “общенародной” собственности. Ее вводили, чтобы ликвидировать отчуждение человека от общества. Та же, между прочим, идея лежит в основе гражданского общества. Но коммунистам реализовать ее не удалось. Напротив, отчуждение дошло до крайних форм в силу устойчивого ощущения простого человека: что ни делай, ничего не изменишь. Разбогатеть не дадут, но не дадут и помереть с голоду. А чего тогда стараться?

Начиналось с энтузиазма, с веры в торжество справедливости и гуманности. А кончилось безразличием и апатией. Даже вопросы, касающиеся своего дома, своей улицы, своего микрорайона, перестали кого-либо интересовать. Никто ничего не делал добровольно, только по обязательке.

Приведу еще одну иллюстрацию из личного опыта. Конец 1950-х. Работаю в проектно-институте, рассчитываю арматуру для железобетонной балки. Результат умножаю на коэффициент запаса 2 и показываю инженеру проекта. Он увеличивает расход арматуры еще втрое. Я спрашиваю: зачем. Он отвечает: “За экономию тебя никто не похвалит, а если балка обвалится — мало ли какой цемент насыплут в бетон, — меня посадят”. Лучше перебдеть. Вот такая жизнь. Ясно — что-то в ней не так.

Из этого отнюдь не следует, что в стране не стало умных, образованных, энергичных людей, с чувством долга и достоинства. Но мы жили в системе с такими институтами, и они влияли на формирование человеческих характеров, нравственных устоев общества. Это влияние ощущается и по сей день.

Рекомендуемая литература

Ясин Е.Г. Хозяйственные системы и радикальная реформа. М.: Экономика, 1989.

Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М., 1997.

Ролан Ж. Экономика переходного периода. Политика, рынки, фирмы. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.

Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

Гайдар Е.Т. Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990.

Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992.

Не смей командовать! / под ред. Н.Я. Петракова. М.: Экономика, 1990.

Олсон М. Возвышение и упадок народов. Новосибирск, 1997.

Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991—1997. М.: ИЭПП, 1998.

Дополнительная литература

Васленский М. Номенклатура, господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

Мизес Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994.

Бруцкус Б. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 1–3.

Russian Economy [Text] : A lecture course : in 2 books / National Research University Higher School of Economics. — Moscow : HSE Publishing House, 2019. — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-1949-3 (hardcover).

Book 1. Origins and Panorama of Market Reforms / E. G. Yasin. — 2nd ed., reworked. — 448 pp. — ISBN 978-5-7598-1951-6 (book 1). — ISBN 978-5-7598-1889-2 (e-book).

The course encompasses the key problems of Russian economy and society during the period up to 2000. The book explains the logic and inevitability of market reforms, demonstrates how and why the reality had differed from theoretical frameworks, and draws historical parallels with the experiences of foreign countries. The author, a participant in many events described in the book, reveals little-known facts, offers unconventional interpretations

The book is designed for undergraduate and graduate students, lecturers at colleges and departments of economics, as well as for all interested in economic reforms in Russia.

Учебное издание

Российская экономика

Курс лекций

В двух книгах

Книга 1. Истоки и панорама рыночных реформ

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Е.Н. Ростиславская*

Компьютерная верстка и графика: *Н.Е. Пузанова*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Художник *В.П. Кориунов*

Подписано в печать 06.05.2019. Формат 70 × 90 / 16

Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 27,6

Тираж 600 экз. Изд. № 2259

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»)

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6